АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.

Круг счастья

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

КРУГ СЧАСТЬЯ

Легенды о царе Соломоне

1877 - 1957

ОПЛЕШНИК
1957

Два любимых образа русского народа:
Никола Угодник и премудрый царь Соломон:
Никола милует, Соломон посужает.

Много я читал о царе Соломоне — любимое имя русского народа. И мои четыре повести идут от векового голоса русской земли: русская сказка, русская повесть и две легенды о построении Храма. Повесть (Царь Соломон и красный царь Пор) я, — и без этого не могу, — «модернизировал»; легенду о «летучем верблюде» перенес в средние века, а апокриф о Китоврасе, «амплификацируя» и «интерполируя», нарядил в византийское одеяние.

Все элементы повестей народные, я их, как камушки, подобрал и насадил на золотой оклад к образу царя Соломона. Мои догадки и мое слово, в этом все мое искусство.

ЦАРЬ СОЛОМОН

У Давыда царя был брат слепец Асклеyей. Асклeней был женат. И жили две царские семьи: Давыд царь со своей царицей Вирсавией, да Асклеyей, царский брат, со своей Рогулой, вместе в одном дворце.

Перед дворцом стояло дерево высоты неподступной с золотыми плодами, и на том дереве жена Асклeнея устроила себе ложе и там принимала своего друга.

Подозревал Асклeней жену и, как влезать ей на дерево, охватит, бывало, охапкой дерёво и не отходит. Но Рогула свое дело знала и всегда пустит наперед друга, а уж за ним и сама.

* * *

Сидел раз Давыд царь с царицей у окошка, любовались на чудесное дерево с золотыми плодами, а жена Асклeнея не видит царя с царицей и свое дело затеяла: подсадила друга и сама за ним полезла.

Топчется Асклeней под деревом, охватил охапкой, а поймать все равно ничего не поймает — слепец.

Жалко стало Давыду царю брата слепца.

«Я Господу Богу помолюсь, — сказал Давыд царь, — прозреет брат, усечет главу у неверной жены».

«Не усечет, — говорит царица, — спустится она на землю, три ответа даст: на слово ему три слова найдет, вывернется».

А царь Соломон во чреве царицы и говорит:

«Плёха по плёхе и клобук кроет.»

Испугалась царица, только виду не показала: учена.

Давыд царь молился, просил за слепца у Господа Бога, вернул бы Господь зрение брату.

И прозрел слепец — открылись глаза у царского брата. Увидал Аскленей жену свою Рогулу и друга ее на дереве, кричит:

«Спускай-ся!»

Сам кулаки сучит, машет над головой: изувечит он жену, не отделаться так и другу.

Слезла с дерева Рогула.

«Стой, — говорит, — подожди, что я тебе скажу, — да в сторону его и отвела, — слушай ты, неразумный, тридцать лет ты сидел без глаз, и сидеть бы безглазому тебе до самой твоей смерти, а я согрешила над твоей умной головой, тебе Бог и открыл глаза».

Ну, у Аскленея тут руки и опустились: с чуда закона не спросишь.

А друг тем временем слез с дерева и улепетнул жив, цел и невридим.

* * *

Отлучился Давыд царь по царским делам — поехал судить да рядить свои дальние земли.

Царица дома осталась и без царя принесла сына — царя Соломона.

Думает себе царица:

«Какой это мне сын будет? Если и во чреве моем говорил такое, а вырастет, и не так еще скажет: убьет он меня».

И напал страх на царицу. Взяла она сына своего царя Соломона кузнецу царскому и отнесла, а себе у кузнеца взяла кузнецова сына.

Вернулся Давыд царь домой, ничего не знает, а царица помалкивает. Да так кузнецова сына за своего и принял — за царя Соломона.

Ребята растут: у царского кузнеца — царь Соломон, у Давыда царя — царского кузнеца сын.

Пойдет Давыд царь с сыном на прогулку, полюбится мальчонке какая местность, и все одно у него:

«Эко, батюшка, скажет, — место красивое, нам бы тут кузницу ставить».

Известно, кузнечонок.

Пойдет куда царский кузнец с царем Соломоном, приглянется царю Соломону красивое место, и все-то у него по-своему, по-царскому:

«Батюшка, — скажет, — нам бы здесь город ставить да людей селить».

* * *

Стали слухи носиться, стали говорить Давыду царю о царском кузнеце и о царе Соломоне, догадывался Давыд царь, что дело нечисто.

И спрашивал царь царицу — ничего не добился; спрашивал царь Асклenея брата, — «не видел, не знаю»; спрашивал царь жену Асклeнея Рогулу и друга ее, — «ничего не помнят.»

Помолился Давыд царь Господу Богу. Да с помощью Божьей и решил сам все дело проверить: испытаю царя Соломона. И посылает за царским кузнецом.

Пришел царский кузнец, мужик как мужик. Давыд царь говорит кузнецу:

«Приди ко мне, кузнец, завтрашний день, не наг, не в платье, и стань не вон, не в избу.»

Поклонился царский кузнец Давыду царю, пошел себе в кузницу. Уж и так думал и этак, а ничего не

может придумать. Позвал царя Соломона и рассказывает, какую загнул Давыд царь загадку.

Царь Соломон и говорит:

«Глуп ты, кузнец, вот что. А ты надень на себя невод, а на ноги лыжи и иди пятками к сеничному порогу, а носками к избному».

Кузнец так и сделал.

«Ах, кузнец, кузнец, — сказал Давыд царь, — не твои это замыслы. Это замыслы царские.»

Через некоторое время снова посылает Давыд царь за царским кузнецом.

Пришел царский кузнец.

«Возьми, кузнец, у меня быка, да чтобы через тридцать дней бык отелился.»

Ничего не поделаешь. Взял кузнец быка, поклонился Давыду царю, повел быка в кузницу.

Закручинился кузнец, уж и так думал и этак, а ничего не может придумать. Позвал царя Соломона и рассказывает, какую задал задачу Давыд царь.

«Глуп ты, кузнец, вот что. Быка мы съедим, а придет пора, бык отелится».

Убил кузнец быка, сварили быка и съели с косточками.

Прошло тридцать дней, настала пора телиться быку.

Царь Соломон и говорит:

«Истопи нынче баню, кузнец, да ложись на полóк и зверем реви, да что есть мочи реви, будто ты телишься »

Кузнец так и сделал. Истопил баню, лег на полóк и заорал.

А Давыд царь знает: тридцать дней прошло, надо от кузнеца ответ взять. И послал царь своих царских слуг к кузнецу о быке наведаться.

Идут мимо бани царские слуги, а кузнец ревет зверем:

«Тошно мне стало, тошно, караул, батюшки, спасите!»

Да так и выводит, ну, как по-настоящему.

Царские слуги в баню: лежит кузнец на полке, орет, что есть мочи.

«Что ты, кузнец, разорался?»

«А приношусь, стало быть», — стонет кузнец.

«Что ты, дикой, когда это мужик приносился?»

А кузнец и говорит:

«Мужик не приносится, так и бык не телится.»

Вернулись царские слуги к Давыду царю, рассказали о кузнеце.

«Не кузнеца это затеи, — говорит царь, — это затеи царские.»

И готовит Давыд царь обед для ребят, созывает ребятишек со всего своего царства, чтобы из всех самому отличить царя Соломона.

А царь Соломон научил ребят:

«Скажет Давыд царь: — «Который царь Соломон, пусть вперед садится» — так вы бросайтесь все разом, и, хоть разорвитесь, кричите: «Все цари, все Соломоны!»

Так ребята и сделали.

Вышел к ним Давыд царь: «Который, — говорит, — среди вас царь Соломон, пускай наперед садится.»

«Все цари, все Соломоны!» — как загалдят ребята, да разом за стол и расселись.

Так Давыд царь и не узнал, который царь Соломон. Одно узнал Давыд царь, что сын — не его сын, и надо искать своего сына — царя Соломона.

Ребята растут: у царского кузнеца — царь Соломон, а у Давыда царя — царского кузнеца сын.

Собирал царь Соломон ребят по возрасту: затевает игры всякие, судит-да-рядит товарищей.

И прошла слава о царе Соломоне, о его премудрых потешных судах. И уж большие, старики, приходили на царскую кузницу совет и суд просить у царя Соломона.

Шла старуха с базара, меру муки купила. Несет старуха муку, молитву шепчет. И вдруг потянул ветер, выхватил у бабки муку. И унесло муку ветром.

Пошла старуха к Давыду царю: на ветер суд просит, — последнюю копейку истратила на базаре, больше негде ей взять.

«Кто мне отдаст мукý?»

Выслушал Давыд царь старуху и говорит:

«Как я, бабушка, Божью милость могу обсудить?»

А старуха не уходит: на последнюю, ведь, копейку муки купила.

«Ни муки, ни копеек нет больше!»

Не уходит бабка, мышиная такая старушонка — шептуха.

Тут царские слуги и говорят Давыду царю:

«Пошли, — говорят, — за царским кузнецом, его мальчонка это дело обсудит.»

Велел Давыд царь привести царского кузнеца, — да чтобы кузнец и мальчонку захватил.

И пришел царский кузнец, пришел и царь Соломон.

Рассказал Давыд царь царю Соломону о старухе, как унесло у нее муку ветром: просит бабка суда.

«Как ты, Давыд царь, — говорит царь Соломон, — не можешь рассудить такого дела? Дай мне свою клюку,

твой скипетр, царскую порфиру, и я сяду на твой престол, буду судить.»

Посадил Давыд царь на свой царский престол царя Соломона судить старуху и ветер.

И собрал царь Соломон весь народ, сколько ни было в городе, всех от мала до велика, и всю царскую семью — царицу и царского брата Аскленея, жену его Рогулу и друга ее.

«Кто из вас нынче по утру ветру молил?»

Какой-то тут и выскочил корабельщик:

«Я, — говорит, молил попутной посóбы.»

И велел царь Соломон корабельщику отсыпать старухе меру муки.

Отсыпал корабельщик старухе меру муки. Пошла бабка, понесла муку, Бога благодарила за царя Соломона — за премудрый суд.

И дивился народ царю Соломону.

Тут царица призналась Давыду царю, что ее это сын, царь Соломон, а сын — не их сын, а царского кузнеца.

Давыд царь простил царицу, царскому кузнецу царскую кузню в вековечный дар отдал, а на царя Соломона свой царский венец надел:

«Пусть царь Соломон судит и рядит все царство — все народы — всю русскую землю».

ПРЕМУДРЫЙ ЦАРЬ СОЛОМОН И КРАСНЫЙ ЦАРЬ ПОР

I

В Божьем граде в Иерусалиме был велик царь и благочестив — царь Давид. Состарился царь, а детей все нет. Взмолился царь Давид к Богу: нет ни сына, ни дочери — некому по нем в Иерусалиме царствовать. И услышал Бог молитву: родила царица Вирсавия сына — царя Соломона.

И был Соломон прекрасен и мудр.

Воспитывал царевича дядька Очкило, верный и добрый царский слуга. Днем царевич с дядькой, на ночь у матери.

И случилось ночью, лежит Соломон, не спится. Потушила свет, улеглась царица Версавия. И слышит Соломон, будто кто-то вошел в палаты, приподнялся он с кровати — от лампад все видно: мужик! А это друг ее любезный, — Мураш, посадский мужик.

«Ты мне люба и мила и всегда я рад быть с тобой, только боюсь я твоего паршонка, царя Соломона: стану тебя целовать, а он так в глазах у меня, как гвоздь.»

«Ах, любезный друг, если ты боишься царя Соломона и из-за того только не можешь со мной быть, я его хоть сейчас — я дам ему смертную отраву.»

И успокоила царица дружка. Осмелел Мураш. Тут царевич соскочил с кровати:

«Мужик ты несытый, — закричал он на Мураша, — не по себе виноград щиплешь, сад батюшкин крадешь, чужое поле пашешь, и на краденой кобыле ездишь».

Да из палаты вон — к дядьке Очкилу, да на койку к старику: на смерть перепугал:

«Что такое? Что, царевич? Приснилось ли тебе? Или тебя няньки прогневали?»

«Ой, сбережатый мой дядька, страшное видение мне во сне было: привидилось мне, вошел в палату зверь лютый и стал мою матушку кусать. Встрепенулся я и увидел: лесной зверь медведь вошел в конюшню, сел на любимого царского коня и ну по конюшне ездить.»

Очкило по старости лет и неопытности житейской ничего не понял: и какие такие медведи и причем конюшня?

«Ты, царевич, на ночь о медведях не думай, они тебе и не будут сниться.»

На утро царь Соломон, как всегда, занимался до обеда с дядькой, а после обеда к отцу.

«Батюшка, — сказал царь Соломон, — отгадаешь ли, что я тебе скажу?»

«Слушаю», сказал Давид царь.

«Насадил царь виноград, — начал царь Соломон, — все дерева виноградника цвели, а плода от них не было. А цвело в винограднике одно дерево пышнее всех, и дерево принесло плод — червленое яблоко. Положил царь яблоко на золотое блюдо, день смотрит на яблочко да любуется, на ночь в золотой ларец кладет. И однажды, когда сторожа уснули, вскочил в виноградник смердящий скот козел и прогрыз любимое царское дерево.

«Мудра твоя речь», сказал Давид царь: царь тоже мало чего понял, а вернее, ничего.

А царица Вирсавия, Мурашу в угоду, только и ждет случай извести царя Соломона.

В ночь уехал Давид царь на охоту. Ночью притащился Мураш к царице в ночевку. Шушукались, а потом и целовались. И велела ему царица обойти тайно Иерусалим — «и отыщи ей отрока, похожего на царя Соломона и приведи немедленно».

Мураш рад-радехонек, смекнул, кирлатый, и ждать себя не заставил: чуть только свет, вернулся, ведет кузнечонка — как раз вровень царю Соломону, однолетки.

Царица тайно Очкилу:

«Сослужи мне, Очкило, верную царскую службу: возьми ты моего сына, царя Соломона, поди с ним на теплое море, заколи его на берегу, вынь сердце, да испечешь, и принеси мне, а тело — в море».

Перепугался старик:

«Матушка-государыня-царица, помилуй царевича и меня, раба своего. Проведает Давид царь, велит меня казнить горькою смертью».

«Не хочешь? Все равно наговорю царю, не избежать — будет тебе горькая смерть».

«Единородного сына...?»

«Не сын он мне, пащонок и супостат. Знать не желаю. Есть у меня сын избранный: будет при старости моей питатель, и по смерти душе моей поминок.

И выводит кузнечонка:

«Вот сын мой — царь Соломон!»

Очкило поглядел на кузнечонка: «куда-а! — царь Соломон?»

«Матушка-государыня, читал я в старых книгах, пишут: не рожен — не сын, не окуплен — не холоп, а вспоя, вскормя, ворога не видать».

«Слушай, Очкило, жизнь или смерть?»

Поклонился Очкило и пошел — едва в дверь попал: обезглазишь.

Встречу царевич:

«Что ты плачешь, сбережатый мой дядька?»

«Как мне не плакать, царевич, я и сказать не смею».

«Говори, не бойся!»

«Ах, царевич, грозила мне матушка твоя, царица Вирсавия, горькою смертью. «Выбирай, говорит, дядька Очкило, жизнь или смерть». Велит свести тебя на теплое море, — заколи, вынь сердце, испечешь и принеси ей, а тело — в мо-ре!»

«Воля матушки, — сказал царь Соломон, — что хочет, то и делает. Не тужи, дядька, будем жить!»

Мешкать нечего, взял Очкило старый свой нож, на медведя когда-то с Давидом царем хаживал. И пошли. Вперед царевич, за царевичем Очкило. Старик и шапку надеть забыл. Не смеет он царской воли ослушаться и царевича больно жаль.

И увязалась за ними собачонка Ритка — Ритка слизал сметану, хватились, он вырвался да бежать. На воле весело: игрался Ритка.

Дошли до моря.

Пустынный берег.

И говорит царевич Очкилу:

«Не убивай меня, сбережатый мой дядька, ты возьми вместо меня Ритку, заколи, вынь сердце испеки, снеси моей матери, а я пойду. Вернусь или не вернусь — судьба».

Старик и рад и боится: что он царице-то скажет?

«Принесешь царице риткино сердце: заколол, скажешь, сына твоего, царя Соломона, а тело — в море».

Попрощался царевич и пошел, куда глаза глядят.

Остался на берегу Очкило да Ритка. Уж и измучился бедняга, гоняясь за собачонкой — не понимает, глупая, играется, не поддается. Насилу-то сгробастал. Прищемил между коленок, за уши держит, как зайца.

А Ритка почуял и не лает, а только смотрит, точно говорит, и так жалобно:

«Сбережатый дядька, не режь! Ну, что ж, слизал я сметану, ну, накажи. Не режь! дядька!»

Очкило за нож —

«Глупая, ничего-то ты не понимаешь!»

Ритка амкнул.

И готово — отлетела звериная невиноватая душа — и только на ноже след жизни, вот столечко крови!

Вынул старик риткино сердце, а сердце все бьется, не понимает, — у старика руки дрожали. Развел огонек, на угольях испек сердце. И домой.

В сумерки вернулся Очкило. Царица не может усидеть на месте.

«Где, где его сердце?»

Очкило положил перед ней черный комочек — риткино сердце.

«Заколол твоего сына, царя Соломона, сердце вынул, а тело — в море.»

Царица ухватила уголек — руки жгло ей черное сердце:

«О, лютое! о, злое!»

Вернулся Давид царь с охоты! много зайцев привез — удалась охота. Отдохнул и посылает за Очкилой, пусть приведет сына, царя Соломона.

Оторопел Очкило и к царице:

«Матушка-государыня, царь царевича требует.»

«Поди и скажи: сын, мол, твой болен — мозг у него взбунтовался».

Пошел Очкило к царю, сказал царицыно слово: «Мозг у него взбунтовался».

Давид царь, как был, соскочил с престола да бегом. А у царицы на ее постели кузнечонок: еле дышит, бедняга, очень перепугался.

Взял царь кузнечонка на руки, — а не признать царевича.

«Милый сын мой, — заплакал Давид царь, — погиб я. Мудрость слов твоих помутилась, речистый язык заградился, очи погасли. Нет мне радости, нет упования, печаль пришла на меня».

И оставил царь кузнечонка, сам облекся в черные ризы, наложил на себя пост — помилует ли Бог сына, вернет ли разум. — и многую милостыню раздал ради сына, царя Соломона.

II

Пустынным берегом шел царь Соломон. В сумерки показалась дорога. И привела его дорога в Египет.

На гумне старик молотил рожь и с ним три сына.

Присел царь Соломон на ржаной омет: ему все видно и слышно, а сам он в скрыти.

«Любимые дети, стар я и мать у вас в годах, — сказал старик, — хочу разделить мое имение, чтобы по смерти моей меж вами не было злобы. Есть у меня золото и серебро — первая доля. Есть скот и кони — вторая доля. Есть хлеб — доля третья. Кто мне скажет цену золота и серебра, и от чего сотворены, тому моя казна. А кто скажет: который конь честнее всех, и с которой скотиной человек разговаривает и в которую входит и спит, тому мои кони и скот. А кто скажет, сколько в котором хлебе зерен, тому весь хлеб».

Выслушали дети отца, а ответа не умеют дать. Стоят, опустив цепы. А который помоложе, отошел к омету.

«Что ты печальный такой?» спрашивает царь Соломон.

«А как не печалиться? Отец разделил нам свое добро: казну, коней и скот, и хлеб — что кому достанется. Мудреную задал загадку, — надо мудрый ответ дать. Да ничего не придумаем».

«Пустяки. Я все слышал. Могу на все ответить».

И взмолился стариков сын к царю Соломону:

«Помилуй нас, троих братьев, дай нам мудрый ответ, раздели нас».

«Вы назовете меня своим большим братом?» спросил царь Соломон.

И тот пошел к братьям. Братья согласны. И повели они царя Соломона в дом:

«Вот наш большой брат!»

Старик стал расспрашивать царя Соломона, откуда он и кто его отец? и мать?

«Я из Божьего града Иерусалима. Родитель мой певец, моя мать — блудница; он по горло сидит в воде, просит пить, а напиться не может».

Подивился старик ответу.

«Ну, садись, будешь нам за родного сына, а нашим детям — большой брат».

Сели к столу, поужинали.

И сказал царь Соломон старику:

«Мудрено ты, отец, поведал своим детям о имении. Не могут они ответить, я за них. Первая загадка: золото и серебро: золото от царских очей, золото украшение и честь; серебро — от звезд, серебро — непорочный венец, а стало, и золото и серебро, под рукою кривды от неправды мздой — одних богатит, других разоряет, одного ведет на татьбу а другого на обман. Вторая загадка: о коне и скоте: говорит с конем человек, а покоряются кони коню-осляти, ослик всем коням

голова; скотина же, в которую входит человек, — овн: шуба, шапка, рукавицы — все из овчины; а на которой скотине спит человек — мякинная птица гусь; из перьев подушка, из пуха — перина. Третья загадка о хлебе: счет хлебу — зубы: сколько человек откусит — столько зерен в куску, постольку и пожует.»

Отец и сыновья задумались.

«Киньте жребий, — сказал царь Соломон, — кому что будет».

Братья кинули жребий.

И досталось: старшему хлеб, середнему казна, младшему кони и скот.

«Старший брат, ты будешь хозяин, а ты — купец, и ты — меньшой — солдат. Вы будете счастливы, только помните: живите не воровством и не клеветой.»

«У меня есть две дочери, — поклонился старик, — а им, которая кому женой будет?»

Вошла старуха-мать, а за ней Дуня и Соня.

И сказал царь Соломон:

«Дуня — попадья, Соня — губернаторша.»

Стал старик и старуха на колени:

«Скажи твое имя.»

«Соломон».

«Будь же, Соломон, наш наставник».

«Я буду пасти ваши стада.»

И остался царь Соломон жить в египетской деревне. Днем скотину пасет, вечерами с ребятами потешные суды судит.

И о судах царя Соломона шла молва — не было от века мудрее отрока, — шла молва из Египта, докатилась до теплого моря до Божьего града Иерусалима.

Смущал Давида царя кузнечонок.

Затеет с ребятами игру, понаделают деревянных молотков и колотушек, примутся на лавке ковать. Только и игры, что куют.

И раздумался царь Давид: да сын ли его этот кузнечонок? А тут молва из Заморья о премудром отроке в Египте. Не его ли это сын Соломон в Египте? Тоже кузнечиха зачем-то на царской кухне торчит. Нет ли тут подмены какой?

Призвал Давид царь Очкилу:

«Скажи мне всю правду о моем сыне, о царе Соломоне. Вижу не сын мне этот кузнечонок. Где мой сын, царь Соломон?»

Не устоял Очкило, во всем царю повинился.

«Согрешил я, достоин смерти.»

И рассказал о царице Вирсавии, как задумала царица погубить сына, и о теплом море, где зарезал он собачонку Ритку и о печеном риткином сердце.

«А откуда взялся кузнечонок и куда пошел царевич, про то я ничего не знаю.»

«Отыщешь мне царя Соломона, жив будешь, — сказал Давид царь, — не отыщешь: смерть!»

И велит Давид царь Очкилу, захватя с собой царскую золотую карету, да людей смышленых, немедля ехал бы в Заморье.

«Не отыщешь царевича, — повторил царь, — смерть.»

Услышала царица Вирсавия, что царь Соломон жив и Очкило поехал за ним в Египет, очень испугалась. Долго не думая, подсыпала она кузнечонку в гурьевскую кашу подсахаренного зеленого яду. И кузнечонок, сладкой каши поевши, протянул бы ножки за милую душу, да счастьем случилась на кухне кузнечиха, парным молоком его и отпоила. И увела с собой в

царскую кузню. Так пропал с глаз кузнечонок к удовольствию царицы.

А посадский мужик Мураш, со страха перед царем Соломоном, залез в царицын гардероб, там и удавился.

III

Как велел Давид царь, так Очкило и сделал: подобрав товарищей посмышленей; да захватя царскую золотую карету, пустился на поиски за царем Соломоном. И много городов объехав, плутал в пустыне — горя-то, горя натерпелся, волоча по пескам тяжелую золотую карету, а нигде не мог найти царя Соломона. Отчаялся старик, повернул было к дому — на свою смерть: «не отыщешь царевича, — смерть!» и угодил как раз в ту самую египетскую деревню, где стоял Соломонов «сплетень-город» и за потешным городом паслись стада.

С первого слова наговорили Очкилу столько всяких чудес о премудром отроке и его потешных судах, сомнений нет, что египетский отрок и есть царевич. А чтобы не вышло и еще какого обмана, решил Очкило тайно самому испытать и самолично удостовериться.

Тайно подступил Очкило под Соломонов сплетень-город.

Пришла к царю Соломону корова, жалуется на быка: выбил рогатый из-под коровы теленка.

«Заступись, накажи, царь, Буя. Бычок мой погиб!» жалобно мычала Касатка.

Скликнул царь Соломон из стада быков. И судил Касатку с Буем. И приговорил быка к казни. Ухватя за рога, поставил его к столбу.

Избодали Буя быки.

Истерзанного, простил его царь Соломон. И пошли назад в поле быки и с ними Буй и Касатка.

Очкило вышел из своего тайника.

«Признаешь ли, царевич, твоего сбережатого дядьку?» — да в ноги.

Как не признать старика:

«Очкило!»

И царь Соломон стал расспрашивать о Иерусалиме, о царе и царице. А Очкило ему о кузнечонке: «гурьевской кашей объелся!» — и о посадском Мураше: «нашли в гардеробе под царицыным сарафаном, притворился мертвым!» — и о себе, как сам он с золотой каретой плутал по пустыне — «сколько горя натерпелся, раз чуть волки не съели.»

«Велено от царя отыскать тебя: не отыщу — смерть!»

«Скажи Давиду царю: «сын твой царь Соломон жив и в третье лето будет в Иерусалиме, а явится втайне.»

И как ни упрашивал Очкило домой немедленно ехать, царь Соломон стал на своем.

Так и вернулся Очкило домой один с царской золотой каретой. А царь Соломон в тот же день покинул Египет. Путь ему в глубокую Индию к красному царю Пору.

IV

За красóту лица и мудрость полюбился царь Соломон красному царю Пору. И велено было царю Соломону быть у царицы в кравчих.

Царица души не чаяла в кравчем. Она подарила ему золотой царский перстень красного царя Пора. И жил с нею царь Соломон, как муж. И еще дала она ему три самоцветных камня: в ночи, как свечи, горят,

днем сияют, как солнце. И много казны: золота, серебра, слоновых зубов и пестрой парчи.

И когда прошло три года, снарядил царь Соломон корабль и отплыл в теплое море.

«Гость-заморянин из чудесной Индии с дорогими товарами!» облетело по улицам Иерусалима.

И никто не узнал в чудесном индее царя Соломона.

Давид царь велел явиться к себе во дворец индейскому гостю. А царица Вирсавия послала на корабль своих сенных прислужниц осмотреть товары царя Соломона. Царь Соломон показал самоцветные камни. И захотелось царице самой взглянуть на диковинки.

Царь Соломон от царского стола прошел к царице.

«Слышала, — сказала царица, — у тебя на корабле самоцветные камни.»

«Есть, царица, три камня.»

«Продай мне.»

«Один камень Давиду царю, другой я оставлю себе, а третий...»

«Продай мне!»

«Третий — той, что проведет со мной ночь».

И положил перед царицей самоцветные камни: в ночи, как свечи, днем сияют, как солнце.

Она его за руку:

«Гость-заморянин, я согласна!»

Царь Соломон затаился.

«Гость-заморянин, или жаль тебе камня?» и потянула его за собой.

Царь Соломон шел за ней, не подымая глаз.

«Чего ты боишься?» и, обняв его и целуя, села с ним на свой одр.

Но царь Соломон не отвечает.

И она взяла его за руку — и к себе на грудь:

«Гость-заморянин!..»

«Я ею вскормлен», сказал царь Соломон, касаясь груди.

Она подвинула его руку себе к чреву.

«Гость-заморянин!..»

«То мой терем,» сказал царь Соломон и, отдернув руку, поднялся; «смотри, я не гость-заморянин».

Встрепенулась царица.

«Я твой сын, царь Соломон.»

И обняв мать, сел с нею.

Не подымая глаз, затаившись, сидела она. А он не находил слов.

Сенные прислужницы заглянули было в царицыну палату звать царицу чай пить, да скорее на попятный. Шепнули царским лакеям. И облепили халуи дверные скважины и щелки. Донесли Очкиле. Проверил дядька: в самом деле, сидит царица, обнявшись с индеанином. Да к царю.

Не верил Давид царь царице Вирсавии, только виду не показывал: силой любовь не возьмешь. А тут как обухом: схватил он меч и, не помня себя, за Очкилой в царицыны палаты.

«Царь! — стал царь Соломон, — я не гость-заморянин... батюшка, я сын твой, царь Соломон.»

И силы оставили Давида царя, меч выпал из его рук, и сам он лежал, распростертый на земле, как мертв. А когда очнулся, воззвал он к Богу — благодарил за сына, что спас от напрасной смерти и вернул его в дом.

Весь Божий град Иерусалим сошелся в царский дворец с дарами на поклон царю Соломону.

И перед лицом всего народа возвел Давид царь царя Соломона на свой царский престол, подал в руки скипетр:

«Радуйся, царь Соломон!»

И трижды повторили за царем:

«Радуйся, царь Соломон!»

И была радость по всему Божьему граду о царе Соломоне.

V

Говорил Давид царь царю Соломону:

«Есть у Волота, цареградского царя, дочь-царевна Милена: будет она тебе жена.»

Царь Соломон слышал о красоте цареградской царевны и полюбилось ему царское слово.

Был послан в Царьград дядька Очкило. И привез Очкило невесту. Повенчался царь Соломон с царьградской царевной Миленой. И стали они жить-и-быть в любви и мире.

Раздумался царь Соломон и послал красному царю Пору его царский перстень, тайный подарок царицы.

Опечалился царь Пор: обманул его царь Соломон. Царицу удалил от себя и затеял отмстить царю Соломону.

И спрашивает красный царь Пор своих индейских князей и верных слуг:

«Кто из вас достанет мне жену царя Соломона — царицу Милену. Хочу отомстить царю Соломону.»

До трех раз обращался красный царь Пор: и никого не нашлось — один царю ответ:

«Царь Соломон мудр, не отнять у него царицы.»

А был у красного царя приближенный, хитрый человек, псоглавец Гусюк. И говорит псоглавец:

«Я могу это дело сделать... Снаряди мне корабль, дай мне золота-серебра, да еще нужны мне твои жемчужные перчатки. Я привезу тебе царицу Милену.»

Царь Гусюка послушал: снарядил псоглавцу богатый корабль, дал и свои жемчужные перчатки. И отплыл Гусюк на теплое море.

Весь Иерусалим собрался на берег. Удивились богатому индейскому кораблю и псоглавому корабельщику.

Не случилось в ту пору в Иерусалиме царя Соломона: задумал царь строить великую Божью церковь — храм Соломонов и жил царь на Тивириадском море у мудрецов: учился небесным и подземным наукам. В Иерусалиме осталась одна царица Милена.

Донесли царице Милене, что среди товаров есть на индейском корабле перчатки, не простые перчатки, а жемчужные:

«Ни чьим рукам, царю и царице носить.»

Как не соблазниться, не захотеть такой диковинки? Пошла царица на корабль.

Гусюк разложил перед ней товары, вынул и жемчужные перчатки.

«От красного царя Пора.»

«Почему ты называешь царя красным?»

«Нет его краше.»

«А есть у красного царя царица?»

«Была. Да обманула со своим царем Соломоном. Царь ищет себе невесту.»

«С царем Соломоном... Я ничего не знала. Я иду за красного царя Пора.»

«От него за тобой и послан.»

«А как уйти от царя Соломона?»

«Это уж мое дело.»

«Он всюду настигнет.»

«Я дам тебе забыдущего зелья: тело твое обомрет, как мертвую увезу тебя.»

Царица на все согласна: она ничего не знала — она отомстит царю Соломону.

Гусюк дал ей забыдущего зелья.

Вернулся в Иерусалим царь Соломон, а царица Милена: лица на ней нет, свернулась, как заяц. Затужил царь Соломон, а ничем не поможешь. Сказали, из Индии гость — хитрый человек. Позвал Гусюка, просит помочь. Но и псоглавец ничего не может:

«Что рождено, помрет.»

«Что рождено, то страждет!» воскликнул царь Соломон.

Он не хотел верить. «А что, если жива?» И, раскалив железо, клещами прожог ей руку. Мертвая не пошевелилась.

«Что рождено, помрет!» повторил псоглав.

Обрядили ее по-царски, в жемчужном гробу вынесли в белую церковь.

На третий день в ночь подкараулив, когда царь Соломон вышел из церкви, навел псоглавец на сторожей мертвый сон и проник в белую церковь.

Утром, в день похорон, прибегает Очкило к царю:

«Царица пропала. И псоглавец со своим кораблем скрылся: пал туман на теплое море, хватились, а его и след простыл.»

Ударился царь Соломон о землю, соколом полетел под облаки — и в небе не нашел царицу; обернулся лютым зверем, пустился по полям и пустыням — нигде нет царицы; нырнул щукой в море — и в море ее нет.

«Что рождено, помрет!»

И он растерзал на себе одежды и, сорвав с головы царский венец, смял его, как ком глины.

Молодящим зельем оживил Гусюк царицу Милену. Невестой спешила царица Милена к красному царю Пору. Плыл корабль быстрее ветра.

И была радость в чудесной Индии у красного царя Пора.

И вот приезжает из Индии посол с письмом от царя Пора.

«Брат Соломон, — пишет красный царь, — ты взял мой царский перстень и с ним мою жену, теперь мой черед — я взял твою царицу.»

Легко с попутным ветром переплыл царь Соломон со своим войском теплое море.

А как трудно было идти по пустыне — трехглавые змеи, слоны и скорпии преграждали путь в чернокаменный Просиян город — матерь индейских городов, где царствовал красный царь Пор.

Победив все напасти, стал царь Соломон под городом в скрытии.

«Стойте, ждите, слушайте, — сказал царь Соломон своему войску, — протрублю в первый раз, седлайте коней; протрублю во второй раз, садитесь на коней; в третий раз затрубит труба, спешите. А не услышите третьей трубы — возвращайтесь домой в Иерусалим.»

И, сбросив с себя царское платье, нищим, каликой-перехожей, один пошел в великий и чудесный город.

Золотом стенных забрал и башен в драгоценных камнях сиял Просиян город, грозно сверкали хрустальные оконца царского дворца, крытого золотом.

Громко сказал царь Соломон под окном царицы:

«Подай калике-перехожей милостыню ради красного царя!»

Знакомый голос. — Царица Милена велит привести калику.

«Подай калике-перехожей милостыню ради красного царя!» повторил царь Соломон, оставшись один на один с царицей.

«Царь Соломон, ты зачем?» горько сказала царица Милена.

Тихо сказал царь Соломон:

«Чем ты прельстилась?»

«Царь Соломон, тебе живу не быть.»

«Я пришел за твоей красотой», сказал царь Соломон по-разбойному.

Царица Милена, как стряхнув с сердца обиду, с пущей горечью и полна любви:

«Царь Соломон, зачем ты скрыл от меня?...»

«Неудержимого не удержишь.»

«Царь Соломон, твоя смерть идет.»

Рассмеялся царь Соломон:

«Не моя, а его.»

«Царь Соломон, как я люблю тебя.»

Каликой-перехожей нищим стоял перед ней царь Соломон. И было им одно желание и сердце было им одно — на радость.

Громом загремели шаги.

Царица Милена открыла сундук. И когда в палаты вошел царь Пор, она стояла одна. Скрыв царя Соломона, не могла она скрыть — она вся полыхала.

«Я красный царь, но ты краше.»

«Что ты любу́ешь меня? — воскликнула царица Милена, — царь Соломон пришел.»

«Его костей ворон не соберет...»

«Царь Соломон!»

И вышел на ее зов царь Соломон, не царь, нищий, калика-перехожий, он взял ее за руку:

«Моя жена.»

«Была бы твоей, была бы в твоем царстве.»

Царь Соломон не пошевельнулся: крепко и непреклонно рука с рукой и сердце билось, как одно сердце.

«Какой ты хочешь смерти?» тихо сказал красный царь.

«Твоя царская воля.»

«Я велю тебе голову снять или размечу по улицам, утоплю в стоячей канаве, или хочешь красную смерть?»

Еще тише сказал царь Соломон:

«Дай мне красную смерть.»

Высоко на каменном помосте поднялась виселица — три оселка — золотой, серебряный и шелковый.

«Царская грозная смерть поставлена красным царем Пором на премудрого царя Соломона!» возвестил палач.

И весь Просиян город сошелся к помосту смотреть на красную смерть премудрого царя Соломона.

И когда ступил царь Соломон на помост и поднялся на третью ступень —

«Красный царь, прикажи дать рог — любил я в рог трубить,» — сказал царь Соломон.

Палач подал ему серебряный рог.

И затрубил царь Соломон:

«Седлайте коней, спешите к царю!»

И поднялся на шестую ступень:

«Красный царь, дай мне еще раз в рог поиграть!»

Палач подал ему серебряный рог.

Еще звонче запела труба:

«Поспешайте, не жалейте коней!»

«Чего медлишь? Три петли: выбирай по душе — золотая, серебряная, шелковая,» — оборвал палач.

Царь Соломон взошел на последнюю, седьмую ступень. Оглянул Божий мир в последний раз. И увидел из-за черной кремлевской стены стальной лес.

«Красный царь, позволь мне в последний раз!»

Палач подал ему серебряный рог.

И тихо заиграл серебряный рог.

И еще светился, тая, последний его звук, как в серебряную тишину ворвался лязг и тупой бубунчатый тык: Соломоново войско из-за черной кремлевской стены оступило каменный помост. И завизжала кроворуть. И кого как — как помелом промело.

Первым вскочил на помост кузнечонок — нынче царский кузнец Вакула.

«Здравствуй, названный брат, царь Соломон!»

И царь Соломон сошел с помоста.

А на его место на всенародную казнь поднялся красный царь Пор.

«Красный царь, горька твоя смерть!» сказал на прощанье царь Соломон.

«Премудрый царь Соломон, жизнь на земле еще горше.»

Это было последнее слово красного царя Пора.

И качались три петли на каменном помосте — золотая, серебряная и шелковая — красный царь Пор, псоглавец Гусюк и индейский палач.

А народ кричал — весь мир:

«Здравствуй, царь Соломон!»

С царской короной красного царя Пора и с царицей Миленой вернулся царь Соломон из чернокаменного Просияна города в Божий град Иерусалим строить великую Божью церковь — храм Соломонов.

ТЯБЕНЬ

Храм Соломона — чудеса мира. Не человеческими руками построен — его строили люди и демоны.

А основание храма — самородные камни, их таскали с моря: лица носильщиков уходили за облака, и видны были только ноги огромных цапель; цапли, натащив камней, прошлись по городу мароканским маршем и пропали. Им на смену слетелись все восемь ветров, поднялись над камнями, дули на-перерез, бесновались. А улетели ветры, бегут от застав звери; сколько есть зверей на земле и от птиц — поют, рычат, лают (чего-то говорили по-своему, да одному понятно строителю) и разбежались, кто под куст, кто в лес. Тут вот и явились демоны — и началась стройка.

Строитель привлекал все новые нездешние силы: демонская много легче и гибче человеческой и звериной. Самые ответственные спецы были демоны: на собрании у царя сидели они за особыми железными столами о-бок с учеными и писателями, и им прислуживали демоны низшего разряда — бесы в смокингах «красной свитки.»

Очень все было странно — жутко: необычно. Точно в предгрозье и вдруг — такой шум, тряс, белиберда, как в грозу (на ухо кричи, ничего не слышу!)

Китоврас, могущественный из демонов, указал способ тесать камни «шамиром». И работа пошла в тишине, для слуха незаметно (муху слышно!) А глаза понемногу привыкли и к поблескиванию и к вспышкам электрических огоньков, когда «само собой» на леса́ подымались камни и катили из пустыни платформы с камнем без проводников и шоферов.

Понемногу наладилось и с продовольствием. «Режим экономии», вызванный затратами на постройку храма, проведен был блестяще: «пищевой отдел», как самый соблазнительный, поручен бесчувственным демонам — общественные столовые, рестораны, отели, бистро, все обслуживали демоны. И, конечно, был ропот: «едим чертятину,» Но демоны оказались искуснейшими поварами и изобретательными мэтрдотелями: из падали такое суфле тебе сделают, само в рот прыгает — «вареники Пацюка», как любимые Гаргантуа; жареные свинные кишки с кашей. — а из дохлятины подадут эскалоп, только очень все перчат и потом весь день пить хочется.

Была еще с китом страсть, не дай Бог.

Давал царь Соломон банкет — затеял всех рыб и какие есть морские звери, всех накормить до отвалу — так и объявил: «жри, сколько влезет!» И вот объявляется кит, самый обыкновенный кит с Белого моря, тут и пошло: сколько ему в пасть провизии ни кинь, все одно: «есть хочу!» того и гляди тебя сглотнет. Весь запас ему и перекидали, царю-то и неловко: приглашал водяных гостей, а угощать нечем. А кит отплыл на середку, да как пустит струю, весь Иерусалим обдал, кричит: «Благодарю Тебя, Господи, Ты один насыщаешь меня.» Срам-то какой! Конечно, против Бога человеку никак.

* * *

На рождественские каникулы работы прерваны на неделю. В Сочельник выпало много снегу и к святому вечеру небо очистилось — Диккенсовы звезды. А в окнах на елках зажглись огоньки. И Диккенс-Гоголь-Рабле и елочный свет чудесного Вейнахтсбаум почувствовались таким домашним «не мудреным» — а и вправду мир сошел на землю. По церквам ударили к полунощной мессе. И со свех концов Иерусалима потянулись гнездами и черной вереницей, без свечей сияя: «Дождались — святой вечер.»

И озорная орава вышла прогуляться — вот они — впереди Унис. И всякий со своей затеей:

«Залезть на колокольню к колоколам и оборвать веревку или так запутать, что звонарь...»

«Курлыкать под псалмы и орган...»

«Бестолку толкаться в проходах на соблазн и раздражение молящихся...»

«На кухню! и там наплюю в кутью, ха!»

«Не стоит рук пачкать. Идемте к царю Соломону. Я придумал, мы и его, премудрого, прижмем к ногтю!»

Унис коноводил — китоврасья порода. — знали его и на стройке: «умница, говорили, очень только озорной.» Это он на царской скандальной кормежке киту вместо зерен сколько мешков камней в глотку всадил, — «форменным образом безобразник!»

«К царю Соломону!» повторил Унис.

Всем очень понравилось: «искушать царя Соломона». И на радостях — «как это весело, чтобы премудрого к ногтю» загалдели бесы и в драку «по-нарошку». А как размеришь, где кончается «нарошка» А другой и не понимает, и не то, чтобы не понять, а если больно, хоть и по-нарошку, а все равно отбрыкнешься: а это сейчас видно — заметили и уж не спустят.

А был такой вонючий бесенок Сакар: ему, глупому, больно, он и лягнулся, ну и здорово же его отдули: так носом в снег, — вот тебе, фискала! Поднялся Сакар — а те уж далеко — и только следом искра-снег.

«Ч - ч - ч - ер - ти!»

И поплелся домой.

Орава, не дыша, на пяточках, подступила к освещенному царскому окну: огонь надувался ярко-красный, — черти дымились. И какой-то горлан, для безобразия затянул по весеннему: так весна, дыша озоном, сардинками, макрелью и селедкой, кричит под окном:

Нантские сардинки!
Свежие сардинки!

Унис мигом к окну, бесшумно «шамиром» вынул стекло и высунулся к царю Соломону.

Царь Соломон только что вернулся из церкви и один разговляется: кутья, мед, миндальное молоко. В одной руке ложка, в другой весы.

Унис на локотках:

«Чтой-то вы делаете?» (На Униса это произвело глубокое впечатление.)

«Ем.»

«А весы?»

«Я взвешиваю все то, что ем и потом все, что откладываю на землю. Мера.»

Унис хохотнул себе в кулачок:

«Премудрость. До этого еще никто не додумался, ни Аристотель, ни Маймонид: чтобы есть и взвешивать. Царь Соломон, для тебя нет тайн, ты все знаешь — пустыни, пропасти, норы, ничего не скрыто.»

А и вправду, царь Соломон все знает; и где он только ни был, весь мир осмотрел.

— А на небеса ты никогда не лазил? — Унис поштопорил носом. — Почему?»

Царь Соломон отложил в сторону медовую ложку. Перстень на его пальце вспыхнул всеми огнями: камень ветров, камень зверей, камень земли и воды, камень демонов — над всеми он властен.

«Но может ли человек проникнуть через ту потаенную дверь — туда? Китоврас может, он демон, но я, всемогущий, я человек?» — вспомнился царю Соломону кит: скандал.

«Небеса — это! — там все по-другому, там нет нашего «ничего» и без этого, не взвешивают!» Унис огоньками насмешливо подмаргивал, резал, разрывая пространство на-перекрест.

Царь Соломон догадался, не простой это бес: чего-то затевает. И надо от него отделаться поскорее.

На письменном столе лежала разрисованная цветами кожаная сумка, принес художник: «своей работы.»

«А скажи, пожалуйста, бес-иваныч, как тебя...»

«Унис!» выфлейтил бес.

«Можешь ли, Унис, влезть в эту сумку?»

«Га! — попался Унис, — еще как, и все наши.»

«А ты покличь: мне это очень интересно, как вы рассядитесь с вашими обезьяньими хвостами.»

«Хвосты у вас!» — огрызнулся Унис и пальцем чего-то там сделал за окошко, какую-то двусмысленную фигу.

И царь Соломон не успел поставить весы на место, вся комната наполнилась бесами.

«Товарищи! — скомандовал Унис, — царь Соломон хочет, чтобы мы залезли в эту сумку и расселись... ха!»

И стал тонеть — стал в иголку, тоньше иглы и первый блестящим прутиком скользнул в сумку.

И вся орава подобралась: кто гвоздик, кто кнопка, кто зажим, кто просто блестка — и один за другим, а то и группами, посовались в сумку.

«Мы все залезли!» — пискнул из сумки Унис.

А посмотреть, ну никак не скажешь, разве где зеркальце, чуть отдулось.

И опять какой-то горлан, закликал из сумки: весна!

Нантские сардинки —
Свежие сардинки!

Царь Соломон позвонил царскому кузнецу. И сейчас же царский кузнец Вакула принес засмоленную бочку из-под селедок. Положили в бочку сумку с чертями; на бочку крестообразно железные обручи. При-

печатал царь Соломон своей царской соломоновой печатью и с Богом:

«Снесешь, брат Вакула, на Иордань и там норови в самое глыбкое, пускай поорут на здоровье.»

И сел к столу доедать кутью.

На первый день Рождества Костоглот хватился: где его бесенята? Обедни кончились: пора бы. Ждет к обеду — как вымерли. И вечер — чай пить. — не возвращаются.

А этот бестия Сакар обрадовался! — все порции сожрал и по-минутно молчком за дверь бегает.

«Да куда ж они запропастились?» — забеспокоился Костоглот.

А Сакар, что он знает? — одно:

«Пошли искушать царя Соломона».

«Вот негодяи!»

«А чего-ж? — Сакар сгорбился по-унисьи. — Со всякой дрянью только руки пачкать, а царь Соломон — это дело.»

«Дело-то это дело, а и нарваться легко!» — а сам подумал: «Унис, его рук дело; если шею не свернет, этот со временем себя покажет.»

И велит Костоглот Сакару: оденься поприличней и завтра ж итти на разведки и дознаться, куда их нелегкая?

«Да руки-то хорошенько вымой, чорт знает что! Сказано вилкой есть, а не пальцами.»

Костоглот не раз у царя во дворце на собраниях обедал, а случалось, и позавтракает запросто, если спешка: Костоглот трубочный мастер из Тира, на стройке десятник. Демон, а не отличишь от инженера.

Сакар не Унис, красную строку от обыкновенной не отличит, но не без сметки. С царем ему делать нечего,

это он знает, царь Соломон так шуганет, не обрадуешься, а вот на царицу — на эти дела он мастак.

И как по утру вышел и все прямо и прямо — да обежал царское окно, а вот под это и стал прохаживаться под царицыным окном, покрикивает, как стекольщик:

Стекло вставляй!
Стекло вставляй!

А как в Сочельник царский кузнец Вакула бочку-то с чертями гробастал на Иордани топить и как-то неловко в дверях задом зашел (кузнец нескладный!), бочкой стекло у царицы и просадил. Царица слышит Сакар орет, и велела стекольщика к себе привести.

И как демонскую рожу-то он высунул да голубем глянул на царицу, так ее всю и развернуло. И уж про стекло разговору нет — да и нет у Сакара никакого стекла, один резец.

И стал бес ее охаживать (ну, ей Богу, как паук муху!) И голос переменил: «ю-ю-к» какой-то — «скажите, да не знает ли, или кто видел, и по каким рейсам» к царю Соломону в Сочельник, он встретил: — «шла партия французских эскамотеров?»

«Французские эскамотеры! — смеялась царица, — да просто алырники бесы. Царь Соломон с фокусниками не очень-то церемонится, живо их к ногтю: поедят на Святках в Иордани свежих нантских сардинок.»

Сакар паук, выпустил липкий оселок и отбежал. Дразнится. И опять все ближе и туже.

Царица все ему и выложила: и про царского кузнеца Вакулу и как бочкой стекло высадил.

А Сакару того и надо: нащекотал усы, да только рожу его и видели.

«Ах, ах, стекло!» — кричит царица.

А он уже вона где — и следом снег, ис-кры!

Костоглоту идти на выручку, больше некому. И уж остервенел же демон: праздники, в театр пошел бы, а тут изволь.

«Виданное ли дело: с самим царем Соломоном! — мысленно упрекал он бесов, — царь Соломон только что на небо не лазил. И попадет же стервецам, дай только из бочки выйдут!»

Обернулся он селезнем, нырнул в Иордань на самое дно, ухватил клювом бочку, выкатил волной на берег — так и хряснулась о камень, а крепка! — сорвал Соломонову неистребимую печать, «раскрестил» железный непобедимый крест, вытряхнул сумку, да как откроет — пуфф!

«Черти голландские!»

А они друг за другом, один на другом, ну подмоченные стрекозы.

И в теплую погоду если, на дне-то моря не очень поскулишь, а зимой, ей Богу, никакого терпения, одна мука.

Черти прыгали и от удовольствия и чтобы разогреться.

Костоглот дал каждому по стукушке, а Унису еще и подшлепник.

«Сам делай все, что хочешь, твоя воля, но и ответ неси, других не путай, шельмец!»

А Унис только всего, что по этому месту себя погладил — он свое дело сделал: царь Соломон, хочет он, или не хочет, а в просак попался.

* * *

Целый день царь Соломон все один. Хоть бы праздники поскорее кончились. Скучно.

Прежнее время, захочет, бывало, и полетит — но он облетел весь свет и нет уголка на земле, где бы он

ни был и все-то он знает, (а как это любопытно, когда еще чего не знаешь!) А что на небе, там? — он не знает. Это верно, бесы правы, он не летал на небо, он не знает.

Вот и бесов нет, на дне в Иордани, голубчики, запечатаны Соломоновой печатью, крепко сидят в селедочной бочке, а мысль не запечатаешь: она — это тот же Унис лезет в окно, шамиром бесшумно разрезает преграды.

Да, и в самом деле, где он только ни был: и у муравьев в их царстве, с самой муравьихой разговаривал — Madame Bonneau, видел ангела смерти — вот уж ничуть не страшный. Да: и вправду, земные тайны для него открыты, но что на небесах, там? Если бы хватить ему на небо.

И день и другой, а все то же, не выходит эта мысль из головы: «залезть на небо.»

На третий день Рождества, как бесам из бочки выскочить, мудрость оставила царя Соломона: он вдруг все позабыл — кита позабыл!

«Чего, в самом деле, полечу-ка я на небо.»

И зовет царь Соломон своего горбатого тябня — первый из зверей, самый близкий ветрам, окрыленный, как птица, а бесчувственный, как демон.

«Сослужи мне верную службу!» говорит царь Соломон тябню.

«Хорошо, — отвечает тябень, — садись на меня. Куда хочешь?»

Сел царь Соломон на своего крылатого верблюда.

«На небо!»

Тябень взвился — и полетели.

Первое небо летят — ну, ничего! Второе небо летят — что-то по другому, не наше. А как стали приближаться к третьему, а там — огонь и вода — розы и лилии.

И тут ангелы — не ангел смерти — а многоочитые и многокрылые, да как шуганут:

«Смертному ни на пядь!»

И с этой-то высоты грохнулся царь Соломон на землю.

Хорошо еще тябень, не простой зверь, крылатый верблюд — ему ничего не вредит и ничто не берет, а то долго ли до греха, и не то, что шею свернешь, а и черепок на-пополам.

И слышал царь Соломон: над самой его головой на колокольне в городе Клионе, эк, его куда дряпнуло, в Бретань! — часы Рождество на колоколах играют:

Днесь божественный Младенец
родился
Пойте гобои, гуди волынка.

СОЛОМОН И КИТОВРАС

— — тогда наступило время спросить о Китоврасе. И демоны открыли царю Соломону, что видят его в глубине пустыни у трех колодцев. И задумал царь Соломон, как ему овладеть Китоврасом.

Строитель Хирам сковал железную цепь и железную гривну; и на гривне было выгравлено заклятие: во имя Божие. И стала та цепь нерушима: на человека и на не-человека, зверя и демона неволя.

И о том подумал царь Соломон, как эту цепь использовать. И посылает он куропалата Вифония с синкеллами в пустыню к трем колодцам, и велел везти за собою вино и мед, и овечье б руно взяли.

* * *

Углубившись в пустыню, куропалат Вифоний нашел три колодца, а Китовраса нету. И как указал царь Соломон, Вифоний и его синкеллы вычерпали воду из колодцев и, заткнув жерла руном, налили в два колодца вино, а в третий меду. А сами за камень, караулить.

И в самый полдень, это как бабочка в окно бьется, в тишину пустыни затопало копытом, а лицо обдало налетевшим жаром. И видят: стрелой крылья несутся по пустыне — все больше, все ближе — и вот уж замелькали копыта. И увидели: он самый! — напруженные крылья, крепкие конские ноги, а лицо человека: приник к колодцу. Насторожились: цепь в руке у Вифония крепко, только бы себя не выдать.

Китоврас высоко поднял голову — и от углов рта из растрескавшихся губ не вино, кровь густой полоской запеклась к подбородку.

«От вина ума не прибудет!» — сказал Китоврас.

Но жажда была нестерпима.

И, опустя крылья, Китоврас воскликнул:

«Вино веселит сердце человека!»

Жадно хлебнув из колодца, он пошел ходить от колодца к колодцу, не может остановиться. И до самого донышка все три колодца — выпито, вылизано, вынюхано — ни столечко вина, и мед прощайте!

И такое почувствовал море-по-колено, чего тут разговаривать —

«Как, все, что имеет начало, имеет и конец? — вздор! А из «ничего» он на самом себе очень даже видит «чего»... И вы в-за-правду думаете, что целое всегда больше своей части? Ничего подобного.»

Не Китоврас, маленькая птичка, цепкие лапки, и наперекор всякой самоочевидности он, Китоврас, в ней — с нею стремится к «невозможному». Но китоврасьи крылья окаменевают, с копыт отвалились птичьи лапки, и в глаза ему сонный сыплют песок. И он камнем канул в такую деберь, ничего не поймешь, да и незачем. И такой пошел храп — удовольствие: сама пустыня, няньча, притаилась.

Тогда Вифоний вышел из-за камня и, надев железную цепь на шею Китоврасу, укрепил цепь: ну!

Китоврас очнулся. На шее — цепь. Но разве есть на него такая цепь? И хотел было освободиться.

«И имя Божье с заклятием на тебе,» сказал куропалат Вифоний.

И видя на себе «имя Божье», Китоврас пошел за Вифонием кротко.

Нрав его был таков: он не ходил путем кривым, а правым. И когда вошел в Иерусалим, перед ним расчищали путь, сносили дома, потому что шел без заворота, напрямик.

На углу дом вдовы. И несчастная, не видя себе пощады: последнее отнимают! — с горечью воскликнула:

«Я одинокая, пощади!»

Китоврас подобрался, но не свернул с дороги: дом уцелел, но Китоврас сломал себе ребро.

«Мягко слово кость ломит, жестко гнев воздвигает», — сказал Китоврас и пошел дальше.

А когда вели его базаром, какой-то, приторговывая яволочные сапоги, из кожи лез, требовал — «за ценой не постоим, только подай такие, чтобы семь лет без носки!»

Китоврас, заглянув в глаза покупщику, усмехнулся.

Окруженный толпой зевак, сидел на земле странно одетый человек — и одни протягивали ему руку, другие подавали записки; и из его слов можно было понять, что он предсказатель: прорицает судьбу.

Китоврас приостановился и захохотал.

Навстречу шла свадьба. Скрипач впереди высмыкивал такой разумор, такие корчил усердные рожи, выроживая ногами, и самые благонамеренные гоготали, как стервецы, и молодые были на-веселе, и провожатая свита пьяна и довольна.

Китоврас отвернулся — все это видели — и слезы показались на его глазах.

Какой-то весельчак, на взводе, не обращая внимания на пожарных, ни на отряд саперов, возглавлявших путь Китовраса и куропалата с синкеллами, шарил перед собой руками, топчась на месте.

Китоврас, поравнявшись, взял его под-руку и, ничего не говоря, — какой уж там хмель, разом все выскочило! — под-ручку вывел на дорогу.

Так кончилась дорога — путь загадок — из пустыни от трех колодцев в город вселенной, Иерусалим.

* * *

Китовраса поместили во дворце у куропалата. Любопытных отбою нет, к дворцу не проткнешься.

Но страх сильнее любопытства. Музыканты, развлекавшие Китовраса, чувствовали себя не по себе и выбирали такие пьесы, чтобы играть без нот, и капельмейстер Фараон махал палочкой, как попало. Впрочем, Китоврасу совсем неважно, были бы это только распахнутые окна туда — музыка.

В залах дворца хоть и часовых не ставь. Заходил спафарий Зеркон и префект Дардан — «по экстренному делу», забегали эпитомоторы из распространенной иерусалимской газеты получить информацию, но со страху — такой понесли вздор — куропалат больше не велел пускать.

Один только строитель Хирам, «сын вдовы», прямо из мастерских явился во дворец к куропалату познакомиться с таким необыкновенным явлением природы: конь-и-человек-и-птица, овеянный музыкой и мудростью, Китоврас.

Путь Китовраса — про это все узнали, весь Иерусалим, но кто осмелится спросить Китовраса?

Сам Вифоний со своими синкеллами ходил около, но не то, что спрашивать, а и в глаза взглянуть Китоврасу норовил, будто ища чего-то, смотрел в копыто.

«Что смешного, — спросил строитель Хирам Китовраса, — человек выбирал себе обувь, прочную на семь лет!»

«Семь лет! — сказал Китоврас, — да ему всего и жизни-то, дай Бог, семь дней.»

«А твой смех над прорицателем?»

«Хорош пророк! — сказал Китоврас, — говорит людям о тайнах, а не догадывается, что тут же под его ногами скрыт в земле клад.»

«А твои слезы?»

«Мне было жалко смотреть, — сказал Китоврас, — через тридцать дней новобрачный помрет.»

«А что тебе дался тот забулдыга?»

«Добрый, верный и веселый человек, и такому следует услужить.»

С полуопущенными крыльями, подогув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас.

Строитель Хирам передал царю Соломону ответы Китовраса.

И сказал царь Соломон:

«Вот кто подпишет: человек, как трава, по утру цветет и зеленеет, а вечером подсекается и иссыхает, все есть суета.»

И велел проверить путь Китовраса — вещую силу его слов.

Над городом спустился сумрак. В надвигавшейся ночи на востоке замелькали белые, зеленые и красные огни: к горе Мории, где будет воздвигнут единственный, отличный от всех построенных человечеством храмов, храм Соломона, подкатывали, управляемые демонами, тяжелые грузовики с лесом. Дул ветер, рассекая и пеня огни. И на мгновение высоко вспыхивали серные шесты и с потрясающим гулом гасли.

«Отчего меня не зовет к себе царь Соломон?» спрашивает Китоврас.

И Вифоний, глядя демону в копыто, не мог не сказать, как оно было, без всяких дипломатических закрут:

«Стесняется: вчера перепил, голова трещит.»

Китоврас поднялся, взял камень и положил на камень.

И сейчас же донесли царю Соломону:

«Камень на камень.»

«Велит мне опохмелиться» понял царь Соломон и приказал подать себе бутылку крепкого кипрского. Выпил с наперсток. И без никакой головы опочил.

На другой день до вечера ждет Китоврас. И когда Вифоний, в продолжение дня под всякими предлогами не выходивший к нему, высунул нос для проверки, Китоврас спросил:

«Чего же не ведете меня к царю?»

«Опять грех, — сказал Вифоний, глядя ему в копыто, — был сегодня у царя персидский обед, переел перцу.»

Китоврас поднялся и снял камень с камня.

И об этом сейчас же донесли царю Соломону:

«Снял камень с камня.»

«Велит сесть на диету», понял царь Соломон.

И на ужин сварили царю овсянку, и с сухариком, а потом горячего крепкого чаю — и никаких перцов!

Рано утром вошел к Китоврасу куропалат Вифоний, наряженный во всей своей белой парадной форме, и с ним синкеллы, расфранченные в белом, и сонм всяких придворных лакеев с горящими свечами, с музыкой, певчими и актерами.

Глядя в копыто, Вифоний объявил Китоврасу, что царь зовет его к себе.

Китоврас поднялся. И, выбрав три прута — мерой в четыре полуметра, с прутьями в руке пошел за Вифонием кротко.

Много было приемов у царя Соломона, но такого еще не бывало.

Звездная палата битком набита: и не простые. все цари, и князья, и принцы — арабские, армянские, грузинские, персидские, индейские, китайские и обезьяньи — пленные и союзники.

Много видели диковин на приемах у царя Соломона но такого дива еще не видывали.

Китоврас, глядя прямо, молча положил перед царем три прута конец-к-концу буквою: Т

И царь Соломон разгадал знак. Царь Соломон понял, какой тайной владеет Китоврас. И обратясь к приближенным, сказал:

«Он говорит: «Тебе Бог дал вселенную, а все тебе мало, ты взял и меня.»

С полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев загадочно смотрел Китоврас.

«Не для себя я тебя позвал, — говорит царь Соломон, глядя в глаза Китоврасу, — тебя привели, чтобы спросить, ты один знаешь, чем тесать камни Святая Святых, не повелено мне тесать железом — и ты знаешь, почему.»

И в зале наступила тишина — какие воеводы, какие стратеги, какие арабские, грузинские, армянские, индейские, китайские и обезьяньи князья и принцы, все молчок. И только блеск драгоценностей, шурша, сквозит.

И вот, как развернувшийся луч или вдруг раскрывшееся звездное небо, музыка — ясный клич.

«Есть камень у птички, — провещал Китоврас, — чудесный ноготь, зовут шамир; в глубине в пустыне, на скале гнездо птички.»

И Китоврас поднялся.

Под музыку, с горящими свечами — куропалат Вифоний, синкеллы, пестрые придворные лакеи, музыканты, певчие, актеры — повели Китовраса из царского дворца во дворец куропалата.

* * *

День за днем — привык куропалат к своему пустынному гостю и перестал стесняться.

Китоврас ладный, ничего не требует, пить пьет, а едой не прельстишь, и хоть бы раз какую ракушку пожевал и хлеба не просит. Китоврас смирный, подожмет ноги да так и окаменеет, и хоть ори ему на ухо, ровно глухой, только странно так смотрит.

Музыканты совсем осмелели, и если кому нужда, высморкается, а первое-то время носом действовали и в музыке не кстати шмыргом лишняя нота попадала, ну, тогда не до нот было. И певчие тоже освоились и раз даже хором плясовую хватили — а уж как их стращали!

И синкеллы без всякой опаски всякое утро чистили Китоврасу копыта и лощили и замшей терли, как собственные свои сапоги.

И не от Китовраса Вифоний с ног сбился, — дело мудреное: от царя куропалату наказ — идти в пустыню и там подкараулъ птичку и принесешь чудесный камень «шамир».

По указанию Китовраса строитель Хирам отлил такое белое стекло и этим стеклом должен Вифоний, как вылетит птичка, заделать гнездо, чтобы потом птичке — что находится в гнезде, она видит, а в гнездо не попасть. Вот какая загвоздка!

Китоврасу открыты тайны земли,
Знает и птичка чудесный камень.
Но не та ли судьба, что и мне, человеку?

Человеку открыта тайна воспоминаний.
Но та же беззащитность и на глазах повязка:
Кто это скажет, откуда явился, и куда суждено
предстать
Мне? — Китоврасу? — И птичке?

Достигнув скалы в пустыне, заметили гнездо птички. И когда вылетела из гнезда птичка, отрядил Вифоний из своей свиты самых цепких.

И когда взобрались смельчаки на скалу, на самую верхушку, видят, что гнездо с птицами, сбросили вниз подъемную лесенку, вскарабкался к ним Вифоний. И «самолично», как писали потом эпитоматоры, описывая «деяния куропалата», Вифоний заделал белым стеклом гнездо и спустился благополучно на землю.

И уж не хоронясь, под скалой ждут птичку.

Птичка вернулась, слышит — пищат птенцы, вытягивают к ней шейки, ее видят, а ей в гнездо не попасть. Бросила она корм и улетела.

Тут и дышать перестали: вот-вот вернется птичка, камушек принесет разрезать стекло и освободить детей, — не проморгать бы чудесный камень! И сейчас же с себя все долой, разостлали одежду по земле — теплое время! — и притиснулись друг-к-дружке, и уж не разобрать, который куропалат и где синкеллы — тельный ковер.

И птичка не заставила себя ждать, живо слетела куда-то и летит обратно, в клюве — камушек. И как до гнезда долетела — ну! они как гаркнут — птичка испугалась и выронила камень.

И камень попал прямо в голову куропалату. Вифоний сейчас же хвать, зажал в кулак, да скорей на своего дромадера. А за ним и синкеллы. И поскакали.

И на радостях не помнят, как «нюдистами» и в город въехали.

Люди-то смотрят и глазам не верят: среди бела-дня такое купальное представление. Хорошо еще что полицейским известны были куропалатовы приметы, а то бы не миновать — в коммиссариат.

И царь потом пенял куропалату: «сану де неприлично». И за царем и всякий и так и дружески.

«Ты бы, Вифонтьич, — соболезновал префект Дардан, — хоть бы веничком прикрылся: чего теперь послы скажут!»

А сам Вифоний, во-истину, «в глубину брошенный», будучи и в платье, приличном сану, а держался как в купальне, придерживаясь рукой — вечная память о птичке и чудесном камне.

* * *

Тридцать дней, как из глубины пустыни от трех колодцев пришел Китоврас в город вселенной Иерусалим, и не узнать стало Иерусалима.

На горе Мории, куда дороги завалены ароматными крепкими деревьями — драгоценным матерьялом будущего Храма, началась постройка. Шамиром бесшумно тесали камни — основание Храма: три соприкасающихся друг с другом квадрата, означают три мира — три тайны. И воздвигались леса, окружая посолонь будущий Вход, Святилище и Святая Святых.

С литейной мастерской строителя Хирама дымились трубы и ночью разливалось зарево, ненасытно глотало тьму, разгоняя демонские пугалы. В мастерских сплавляли металлы для двух величайших столпов, — эти столпы станут у входа в Храм: лучезарный и легкий Иакин, знаменующий душу Рождения, и угрюмо-темный тяжелый Боаз, знаменует душу Смерти. Там плавили медь, мешая огонь и воду для создания «литого моря» — это «море» будет в южной части Храма, где в Святилище высится семисвечник, это «море» — лилия, поддерживаемая литыми волами, расположены кру́гом,

как двенадцать листьев «мировой розы», как двенадцать знаков небесного круга.

Непохожие, странные люди, их вывез с другими мастерами из Тира строитель Хирам, «ковач всех орудий из меди и железа», — эти иностранцы с дерзкими лицами, черные от работ, расходясь от мастерских по домам, горланили жуткие песни под электрические вспышки демонских огней.

Я вышел на твердую землю,
За спиной захлопнулась дверь.
Стена, — куда б не повела дорога, —
И снова замкнутая дверь.

Стою на твердой земле —
Моя воля, моя мечта.
Свободно на свой страх творю.
Я, Хирам, Соломон.

В ознаменование начала работ царь затеял пир.

Два имени гремели в Иерусалиме: строитель Хирам, осуществлявший замыслы царя Соломона, и загадочный Китоврас.

За тридцать дней загадки Китовраса оправдались — об этом много говорили, больше, чем о «столпах» и «литом море» Хирама. Спинак, шофер, торговавший себе сапоги на семь лет, помер ровно через семь дней, как предсказал Китоврас; под хиромантом Индаком, прорицавшим будущее, нашли в земле клад, как сказал Китоврас; портной Асхолий — тот самый новобрачный, которого пожалел Китоврас, действительно через тридцать дней Богу душу отдал, а подвыпивший сапожник Пастила — его вывел Китоврас на дорогу — взятый с дороги для «протрезвления» префектом Дарданом, оказался и добрым и веселым человеком, и, как известно, префект Дардан шутить не любит.

И за то, что вещая сила слов Китовраса не пустое слово, и за бесшумный камень шамир, а без этого чудес-

ного камня не могла бы начаться постройка Храма, за все это царь пожаловал: велел на входе будущего Храма написать образ Китовраса.

И как же быть пиру без Китовраса! И Китоврас был приведен к царю во дворец и поставлен перед троном царя — видимо всем.

С полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас.

«Брат Китоврас, — сказал царь Соломон, — я вижу сила твоя не-человеческая, но и не больше силы человеческой: я тебя взял.»

«Брат Соломон, — говорит Китоврас, — власть дается по силам. Если хочешь видеть силу мою, сними с меня железную цепь, дай мне перстень с твоей руки, и ты увидишь.»

Тогда, по знаку царя, спафарий Зеркон снял цепь с Китовраса — Китоврас поднялся, опущенные крылья его дрожали.

И царь — а это все видели — царь снял перстень и подает Китоврасу.

И наступило — это как серебряная молния в грозное клубящееся затишье вдруг: Китоврас на глазах у всех взял перстень, поднес к губам и проглотил. А распахнув крыло, крылом ударил царя Соломона и закинул его в конец обетованной земли.

«Я, рожденный от непорочной земли, воздуха, огня и воды, я — царь Соломон!» воскликнул Китоврас.

И бел-пурпурно-лилово-красный свет завесой окутал его.

И все видят: на троне царь Соломон и царица подает ему яблоко.

«Как вы меня любите?» обратился Китоврас к пирующим.

И все ответили одним голосом с единым чувством:

«Безгранично, бесповоротно.»

«И легко умрете за меня?»

«Готовы: без-заветно, ты наш царь Соломон!»

И захохотал Китоврас.

Так не хохотал он и над прорицателем, что сулил доверчивым клады и не видел у себя под ногами клад.

А в распахнутые окна под хохот Китовраса ворвалось беззазорно — это те, странные, непохожие, иностранцы с дерзкими лицами, ходили по улицам:

Это будет последний
И самый решительный бой...

И строитель Хирам очнулся. Глаза его встретились с глазами Китовраса. И Китоврас оборвал хохот, горько улыбаясь. И от этой улыбки вся горечь судьбы поднялась в сердце Хирама. И он увидел, как под царской одеждой Китовраса вздрагивали конские крепкие копыта.

Ночью над Иерусалимом разразилась гроза — в грому слышался стук и лязг раскрывавшихся каменных челюстей; молнии-птицы, вия змеиным хвостом, клевали землю; с ременным хлестом взвивался и падал дождь.

А там у моря, закинутый на конец обетованной земли, на пустынном берегу, под тихо-плывущими звездами очнулся царь Соломон кругом один:

Аз
екклезиаст
бых царь над Израилем
в Иерусалиме.

ОБЪЯСНЕНИЯ

I. **Царь Соломон. Сказка.**

Я пользовался народной сказкой из сборника Н. Е. Ончукова, Северные сказки. Записки Имп. Рус. Географ. Общ. по отделу этнографии. XXXIII т. №46. СПб. 1908.

Давыд царь, ведь это ж царь Алексей Михайлович по его «тишайшему складу». «Гадания царя Давида» — самая распространенная книга на Руси. Я думаю, что «Рафли» и «Гадания царя Давида» одно и то же.

М. Н. Сперанский, Из истории отреченных книг. I вып. Гадания по Псалтири. Памятники древней письменности и искусства, CXXIX, 1899.

II. **Премудрый царь Соломон и красный царь Пор.** Повесть.

В основе моего рассказа: «Повесть о царе Соломоне». Летописи Рус. Лит. и Древн. М. 1862 г. О царе Поре: В. Истрин, Александрия русских хронографов. М. 1893 г.

III. **Тябень.**

«Тябень» — якутское, по-русски «верблюд». Но этот верблюд не только с караваном по пустыне идет и ноздрей песок роет, но может и летать, не угнаться и демону.

Я пользовался якутской сказкой из книги Г. И. Патанина, «Сага о Соломоне», Томск, 1912 г. у мусульманскими легендами о построении Храма Соломона.

IV. Соломон и Китоврас.

Легенда о Соломоне и Китоврасе первоначально в Сборнике ветхозаветных книг: «Палея» — рукопись конца XIV-XV вв. Эта легенда русский извод талмудической легенды из Агады о Асмодее.

Путь Асмодея из Иерусалима на Волхов в Новгород и на Великую во Псков не прямо по «китоврасьи», а крýгом — через Византию.

Асмодей (вавилонского происхождения), появившись в Византии, обернулся крылатым кентавром и в образе кентавра вышел к болгарам. И у болгар получил имя Китоврас. И уже Китоврасом проник на Русь.

Болгарский Номоканон XVI в. упоминает апокриф о «Соломоне и Китоврасе» — «басни и кощуны». А русский индекс комментирует Номоканон: «все лгано, не бывал Китоврас на земле, но эллинстии философи ввели».

И вопреки уверениям благочестивых людей, что никакого Китовраса нет и не было, и отеческому предостережению, что за чтение подобных басен и кощун, взыщется на том свете, Китоврас засел на Руси прочно.

На медных вратах главного входа Святой Софии в Новгороде в XIV в, (1336 г.) появилось изображение Китовраса: крылатый кентавр держит в руке царя Соломона, и подписано: «Китоврас меце братом на обетованную землю зря». А Иван Грозный (XVI в.), перенес эти медные врата под Москву в Александровскую слободу. И до сего дня в городе Александрове в Успенском монастыре красуется Китоврас видимо всем. И все смотрят и удивляются: «если хочешь видеть силу мою, сними с меня железную цепь и дай мне перстень с твоей руки и ты увидишь.»

О Китоврасе: Акад. А.Н. Веселовский, Сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине, СПб. 1872 г. (Собр. соч. т. VIII, Пч. 1921) И. Н. Жданов, Сочинения I т., СПб. 1904.

Текст сказания у Н. С. Тихонравова, Памятники Отреченной русской литературы, СПб. 1863 т. I и у А. Н. Пыпина, Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевым-Безбородко, СПб. 1862, вып. III.

Я ввожу дважды ХОР и называю по имени строителя Храма — Хирам.

О театральных действиях о Соломоне и Китоврасе я нашел в примечании Безсонова, Собр. песен П.В. Киреевского, М. 1872 вып. IX. Ванька Каин (Иван Осипов) в 40-х годах XVIII в. в Москве на Каменном мосту давал масленичное представление — народное игрище о Соломоне и Китоврасе, собственного сочинения: Ванька изображал Китовраса, — и вдруг я вспомнил, — я играл царя Соломона.

I

СУДОВЕ ПРЕМУДРОГО ЦАРЯ СОЛОМОНА ВКРАТЦЕ

«Бысть царь Соломон премудры
Премудростми и притчами
и гаданми»

(В Толковой Палее — восемь судов XVI в.
В списках XVII в. — шесть).

Суд первый.

XVI-XVII вв.

«Во дни Соломона царя бысть муж, имея три сыны; умираяй муж той и призва к себе все три сыны своя». Зарыто в земле сокровище «три спуда, сиречь кувшины». По смерти отца сыновья отрыли сокровище: верхнее — золото, ниже — кости,

а в основании — персть. Царь Соломон: старшему — золото; середнему — скот и челядь; меньшому — винограды, нивы и жито.

Второй суд.

1494 г.

«Идоша три мужи, некия еврейстии на путь, имущи на себе чресы (пояса) свои полны злата»
На ночлеге зарыли в землю. Один из путников ночью вынул «чересы» и зарыл в другом месте.
Царь Соломон рассказывает повесть:

«Один отрок, обручившись с девицею тайно от ее родителей, уехал в другую землю и там женился. Родители девицы выдают ее замуж. Невеста открывает жениху тайну обручения. Жених не хотел нарушить чужого права и отправился со своей невестой к ее первому обрученнику. Тот согласился уступить. И они поехали домой. На дороге разбойники. Она рассказывает атаману о себе; атаман отпустил их, не ограбив.»

Соломон: «Кто вам из них по душе?»

Двое сказали: «бескорыстный и правдивый отрок», а укрывший «чересы»: «разбойник.»

Соломон укорил его за сочувствие разбойнику, и тот сознался.

Суд третий.

«Во дни Соломона царя бысть муж богат в Вавилоне и не имяше детей; изжившу же ему половину дней своих и постави себе раба в сына место.»
Посылает его торговать, и раб, разбогатевши в Иерусалиме, стал считаться в «болярех». А у его приемного отца родился сын. Отец помер. А сын отправился в Иерусалим. «Раб» обедал у Соломона. «Отрок» подошел к нему и ударил его по морде. И объявил, что ударил раба отца своего.

Соломон для проверки велел привезти из Вавилона плечную кость его отца, и пустить кровь сыну и рабу; кровь раба не пристала к кости, кровь сына осталась на кости.

Суд четвертый.

«Во дни Соломона царя бысть муж имеяй шесть сынов, а седьмую дщерь.»

Умирая, отец отказал дочери тысячу золота, а имение старшему сыну. Остальные дети заспорили. Соломон велел принести правую руку отца их. Пятеро сыновей хотели взять руку, а старший не допустил их к могиле.

Соломон присудил имение старшему.

История в Gesta Romanorum (в «Римских деяниях», XVII в.). В Le jugement de Salemon — Соломон велел стрелять в мертвого отца и старший сын выстрелил, и Соломон отказал ему.

Суд пятый.

«По сем же Соломон царь помысли, испытать хотя, что есть смысл мужески и что есть женски, и призва болярина своего, от своих ему предстатель, имя ему Декир, и рече наедине ему». Соломон обещает разделить с ним царство, если он «усекнет» свою жену. Декир не поддался. А жена его за царскую милость готова была, да ничего не вышло.

«Соломон же царь славный повеле вписать в сборник повесть сию и сказа вельможем своим о том, яко дивитися им, и рече царь: «Обретох в тысящи мужей мудрыи многи, а жены не обретох. «Во тме ни единой мудрыя, — во всем свете».

Суд шестой.

«И в то время сотвори Соломон царь пир велик боляром своим и велможам и всем отроком своим». Спор двух женшин за ребенка. (В III-ьей книге Царств).

2

О СУДЬБАХ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА С АПОКРИФАМИ

«Книга бытия небеси и земли» — «Очи палейные»
состав. в Византии, а в Россию — XIII в.
Историческая Палея Изд. А. Поповым в
Чтениях Общ. истории и древностей
Российских, 1881 кн. 1
«Палея толковая» (по списку 1406)
Труд учеников Н. С. Тихонравова
Вып. I-II М 1892-1896
(на С. вост. России)

«И дал Бог Соломону мудрость, весьма великий разум и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян»

4-ая Книга Царств, IV, 29-30

3

ПОВЕСТЬ О ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА О МУЖЕСКОМ ПОЛУ И ЖЕНСКОМ О МУЖЕ ПОДОБНА

Пятый Суд Соломона

Соломон, премудрый царь, помысли испытати, какова мудрость мужа и целомудрие, такоже и жены хотя искусити. Призва некоего ему предстоящего сыньклита от великих, именем Даркира и глагола ему:

«Любезнейший Даркире! Веси, яко над всеми люблю тя: наипаче же мне возлюблен будешь, аще повеленное

мною сотвориши, и велицей чести надо всеми сподобишися.»

Даркир же глагола ему:

«О царю, аще повелиши, сотворю волю твою.»

И яко обещася, рече ему царь:

«Се повеление мое, да усечеши главу жены своея. Аз же дам ти в жену от дщерей царских, паче же и сопрестольник мне будеши». Даркир же о сем ужасен бысть, обаче повинуется сотворите волю цареву. Царь же даст ему преострый свой меч:

«Сим, рече, соверши повеление мое, и егда главу жене отсечеши, на извещение ко мне да принесеши».

Даркир же возмущашеся и жалостию препобеждашеся, страха же царска наипаче бояшеся, взем же меч у царя и прииде в дом свой и обрете жену свою спящу и по обою страны ея дети, младенци суща. Видев же сия и восплака и рече в себе:

«Како уткну мечом сожительницу мою, толико мн лет с нею поживше? Кто же ли по смерти ее утешит детища моя и вскормит я? И аще сия сотворю чтись ради земного царя, но что отвещаю царю царем и Господу Господем?»

Отложи сотворити повеление царево.

Призва же его царь и глагола:

«Сотворил ли повеленное мною?»

Даркир же рече:

«О великий царю! лучше ми есть самому при всей твоей воли быти, неже сожительницу мою умертвити и младых же чад матери лишити.»

Царь же яко-бы разъярился, зане преслушал повеление его и часто презрел, повелел его послати в иной град.

Призывает же жену к себе и глагола ей:

«Воистину ты еси добрая в женах, прекрасная и премудрая, и мною прелюбезная; но как еси за таковым мужем? достойна венцу цареву! Но аще что реку тебе сотвори волю мою. И аще волю мою сотвориши, будеши

мне прелюбезная царица и всему царству владетельница.»

Она же, окаянная, рече:

«Еже аще глаголеши, царю, сотворю волю твою!»

Глагола же ей:

«Сия воля хотения моего, да внегда муж твой приидет во град и в дом свой, ты же яко радуйся приходу его, напоив его вином, отсещи ему главу; аз же тебе дам острый меч, да без замедления дело скончаеши.»

Она же, бесом подустрекаема, вознепщевá, яко сбудется си все, еже царь рече, обещася со усердием повеленное исполнити.

Послав же царь, повеле мужу ее без всякого страхования к себе быти и во своем ему чину пребывати, яко же и прежде. Видев же и разуме царь яко жена готова мужа своего погубити, даст ей меч зело претуплен и глаголет:

«Иди, превозлюбленная! сотвори волю мою, да многу добру госпожа будеши.»

Она же мнев, яко острый меч и принесе его в дом свой.

Даркир же по цареву велению прииде в дом свой, совещание же жены своей не ведяще; жена же ласкосердствующи и, яко бы во много времени не видавши его, воздыхающи, слезящи и лобызающи, яко да вскоре вкусит брашна и на одре да возляжет, яко да ослабу вскоре от печали приимет, ничто не содевающе, еже бы еси вскоре желание совершити и жене царю быти.

Даркир же, не ведая злых мышлений жены своея, и вкусив брашна и испив мало вина, вскоре возлег на одре и успе.

Жена же, виде его спяща и храплюща,ವземши меч; наложивши на гортань мужу своему. И яко жена, не имея обычая мечом, яко пилою сюду и сюду проводити, и ничто же успе, яко притуплен бе меч.

Муж же вскоре вскочи от сна, мня яко некое дьяволе злохатрство мечтуется; жена же мало утаившися.

Даркир же паки вскоре возлег и успе. Жена же его, любоначальством несытства одержима, паки нача мужа мечом по гортани сюду и сюду преводити, и паки ничто же успе, но вельми ему досади, мало мечом не удави. Даркир же вскоре услыша и трепеща вскочи и повеле же и свещу принести. Видев жену свою с мечом стоящу, ужасеся ужасом великим и рече одержим к жене:

«Что сицево зло умыслила еси надо мною, и за какое зло убити мя хощеши?»

И мало ю наказав, ничто же сотвори, но поведася сия царю. Царь же, разумев, каковы жены к прелести готовы и злонравны, како ни Бога убоясь, ни мужних седин устыдеся, ни чад помилова.

И рече царь:

«Обретох в тысящий много мужей мудрых, жены же мудрыя не обретох ни во тме единыя.»

И глагола Даркарю, да ничто же ей зло сотвори.

4

СКАЗАНИЕ О ПРЕМУДРОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА о ЮЖСКОЙ ЦАРИЦЕ и о ФИЛОСОФЕХ ЗАГАДКИ

1494 г. (Хронограф)

О южской царице

и бысть царица южская иноплеменница именем Малкатьшка. Си преиде искусит Соломона загадками.

XVII в.

Малу же времени минувшу, прииде к нему некая царица от юга с философы своими, хотяше царя Соломона искусити, и принесе ему дары многие, злато суса-

льное и палицы еловые. В един же день призва ее царь Соломон к себе, хотя слышати реченная от нее премудрости; царица ж приде к Соломону с философы своими. И рече ей царь Соломон:

«Повеждь ми, царица, которых зверей или скота или птиц мяса хощешь ясти, да повелю ти доспети.»

Царица же рече:

«От тех зверей доспей ми потребу, что нази летают меж неба и земли, костяные крыле имеют, на небо не взирают, гласа не имеют.»

Соломон же поразумев, что царица хощет

о с е т р и н ы

ясти, повеле поваром своим осетрины доспети.

Царица же втай повеле порядити молодцы и девицы, красные острищи и в мужские порты облещи; и постави их пред царем Соломоном и рече:

«Поведай ми, Соломоне, который полк молодцы, а которые девицы?»

Тогда Соломон повеле слугам своим принести орехов и пред ними посыпать, и повеле им грабити.

И начаша молодцы по своему чину орехи грабить и в корваны своя кладуща; девицы же начаша грабити и в рукав сыпать.

Тогда Соломон разуме, кое молодцы и кое девицы, и все царице рассуди.

Она же отыде в свою землю и подивись велми премудрости Соломонове; пришедши же ей во свое царство, и нача мыслити с философы своими, кого послати к царю Соломону и что глаголати. И посла царица слугу своего, рекше:

«Пришли, Соломоне, бесного з бесным, а умного с умным»

Соломон же той разумев, посла ей
вина со скоморохом,
и философа с книгами.

Она же подивись премудрости его.

И призва ю Соломон к себе. И приде тогда царица; и возва ю за обед. Отшедшу же обеду царь Соломон седяше з боляры своими и философы, царица ж против седяху со своими философы, и хотяше искусити Соломона, и рече:

«Что есть четыре статьи — сухо, горяче, мокро, студено — ими же весь мир состоится?»

Отвещав Соломон:

сухо — весна
горяче — лето
мокро — осень
студено — зима.

И рече царица:

«Аще соль изгниет, то чем ее пособить, дабы не изгнила!»

Соломон же рече:

«Рогом конёвым.»

Она же рече:

«А коли у коня рог живет?»

Соломон рече:

«А коли соль гниет?»

Царица же рече:

«А коли мертвец восплачется, чем его утешити, дабы не плакал?»

Соломон рече:

«Мгляное яйцо дати ему.»

Она же рече:

«Како можешь во мгле яйцо сделать?»

Соломон рече:

«А коли мертвец плачет?»

Царица рече:

«А коли нива прорастет ножи, чем ю пожать?»

Соломон рече:

«Со всего света собрать росу, и в том сшить рукавицы, тем ю пожати.»

Она же рече:

«Како можеть в росе рукавицы сшить?»

Соломон же рече:

«Коли вырастает нива ножи?»

Царица рече:
«Что есть не гниющее на земли?»
Соломон рече:
«Дума человеческая.»
Царица рече:
«Что лутче всего на сем свете?»
Соломон рече:
«Правда.»
Царица рече:
«Кому подобна милость Божия?»
Соломон рече:
«Солнцу: солнце сияет на злых и на (добрых) благия, тако и Бог милует праведные и грешные.»
Царица рече:
«Есть в земли нашей кладезь велми чюден, самороден и далече от града нашего стоит, — чем ево приближати?»
Соломон рече:
«Ужищем песчаным привести его ко граду.»
Философы же царицыны рекоша:
«Госпоже царице, не мощи нам против Соломона и его мудрецов.»
И тако царица отойде с мудрецы своими, дивяся Соломону.

5

ПЕРСИДСКАЯ ЗАГАДКА

ЗАГАДКА ПЕРСКАГО ЦАРЯ ДАРИЯ К СОЛОМОНУ ЦАРЮ

Дарий, царь Перский, послал к Соломону, мудрому царю, написав загадку:

стоит щит,
а на щите заець
Прилетев, сокол взял зайца
и тут сяде сова
И отгадаешь загадку, дам ти три кади серебра.

Соломон же, не умея что рещи послу и сяде един в полате, попелом главу свою посыпает, и распусти власы своя долу. И по мале же времени Соломон царь мудр повеле созвати многия беси и рече им:

«Кто может ли от вас отгадати, дам ему треть сребра.»

И рече бес об одном оце:

«Щит, царю, Земля твоя
а на нем заец — правда стоит
а прилетев Сокол взял Зайца, то есть ангел Господень
взял правду на небо.
и туто сяде сова, то есть кривда,
а зависть человеческая начаше учение.»

Какой умница одноглазый бес!

Соломон же царь посла к Дарию царю:

«Загадку отганул, а ты пришли серебро.»

Не по многе времени и привезоша сребро от Дария к царю Соломону. Соломон же царь повелел обратити кадь вверх дном и насыпати бисеру и дати кривому бесу. И рече бес:

«Чему, царь, се криво имеешь, а правды, царю, не имеешь?»

И рече царь:

«Крив еси бес, сам себе криво судих: правда взята на небо, а на земли в нас кривда осталась».

6

СКАЗАНИЕ О СВ. ГРААЛЕ ПОТИР ЦАРЯ СОЛОМОНА В СВ. СОФИИ ЦАРЕГРАДСКОЙ

XIII в.

Есть же в святой Софии потирь от драгого
камения Соломона дела, на ней же суть
писмена еврейска и самарейска грани написани,
их же никто же не можаше ни прочести, ни
сказати.

Възем же ю философ почет и сказа:

«Есть же сице первая грань:

I. Чаша моя, чаша моя, прорицаи дондеже звезда,
В пиво буди, Господи, первенцу, бдящу нощию.

По сем же другая грань:

II. На въкушение Господне сотворена древа иного
Пий и упийся веселием и возопии аллилуйя.

И по сем третия грань:

III. Се князь, и узрить весь сънем славу его и
Давыд царь посреде их.

И по сем число написано
Девять сот и девятеро

909

(Пространное житие Константина философа)

Возрадовався заец, выбився из тенета
воли своей; тако ся возрадовал книго-
писец Алексей, написав эту книгу
о царе Соломоне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юбилейное издание книги «КРУГ СЧАСТЬЯ» на подарочные средства ковалеров Обезьяньего знака. А. Ремизов полвека со дня открытия Обезвелволпала держится в должности, без выгона, обезьяньим канцеляристом.

Затея издания принадлежит Нерпе — Елене Александровне Холмогоровой-Кост. Исполнение — Глебу Владимировичу Чижову-Холмскому, обезьяньему куаферу и музыканту. Под глазом Александра Григорьевича Савченко, книжного справщика и обезьяньего буквоеда.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

МОСКВА

24.6.1877

Книги, изданные в России — 1907-1921
« « заграницей — 1921-1957

1907-1921

1. ПОСОЛОНЬ. Сказки. С рис. Н.П. Крымова. Изд. Золотое Руно. М. 1907 (Н.П. Рябушинский).
2. МОРЩИНКА. Сказка. С рис. М.В. Добужинского. Изд. Шиповник. СПБ. 1907 (С.Ю. Копельман. З.И. Гржебин).
3. ЛИМОНАРЬ.АПОКРИФЫ. Обл. рис. М.В. Добужинского. Изд. ОРЫ. СПБ. 1907 (В. Ив. Иванов).
4. ПРУД. Роман. Обл. рис М.В. Добужинского. Изд. Сириус. СПБ. 1908 (А.А. Трубников. М.Н. Бурнашев. С.Н. Тройницкий).
5. ЧТО ЕСТЬ ТАБАК. Повесть. С рис. К.А. Сомова. Изд. Сириус. СПБ. 1908. В 25 именных экз. Хранится в собрании Г.В. Чижова (С.Н. Тройницкий).
6. ЧАСЫ. Роман. Обл. рис. М.В. Добужинского. Изд. ЭОС. СПБ. 1908 (Саксаганский).
7. ЧОРТОВ ЛОГ. Рассказы. Обл. рис. М.В. Добужинского. Изд. ЭОС. СПБ. 1908 (Саксаганский).
8. РАССКАЗЫ. Изд. Прогресс. СПБ. 1910. (Стракун).

9-16. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 8-ми томах с портретом, рис. Мар. Вас. Сабашниковой. Обл. рис. С.В. Чехонина. Изд. Шиповник-Сирин. СПБ. 1910-12 (Портрет в изд. Сирин; обл. Чехонина — в изд. Шиповник).

17. ПОДОРОЖЬЕ. Рассказы. Обл. рис. С.В. Чехонина. Изд. Сирин. СПБ. 1913.

18. ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Сказки. Обл. рис. С.В. Чехонина. Изд. Сирин. СПБ. 1914.

19. ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ. РАССКАЗЫ. Обл. рис. С.В. Чехонина. Изд. Сирин. Пгр. 1915 (17-18-19-М.И. Терещенко и его сестры: П.И. Чайковская, Е.И. Саранчова).

20. ЗА СВЯТУЮ РУСЬ. Рассказы. С рис. Н.К. Рериха. Изд. Отечество. Пгр. 1915. Изд. З.И. Гржебин.

21. УКРЕПА. Сказки. С рис. Обл. Е.И. Нарбута. Изд. Лукоморье. Пгр. 1916 (А.С. Суворин).

22. СРЕДИ МУРЬЯ. Рассказы. Изд. Северные дни. М. 1917 (Книга вышла в день революции. Никто ее не читал).

23. НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Сказания. Обл. рис. С.В. Чехонина. Пгр. 1917 (З.И. Гржебин).

24. НИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ. Николины притчи. Изд. Колос (Коробейник №10) М. 1918 (правые с-р).

25. РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ. Сказки. Марка рис. К.С. Петрова-Водкина. Изд. СКИФЫ. Пгр. 1918 (левые с-р).

26. СТРАННИЦА. Повесть. Изд. Революционная мысль. Пгр. 1918 (правые с-р).

27. О СУДЬБЕ ОГНЕННОЙ. От слов Гераклита. С рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Пгр. 1918 (Н.И. Любавина, Е. Турова и Натан Венгров).

28. СНЕЖОК. Сказка. С рис. Е. Туровой. Изд. Сегодня. Пгр. 1918.

29. СИБИРСКИЙ ПРЯНИК. Сказки. Обл. рис. автора. Изд. Алконост. Пб. 1919.

30. ЭЛЕКТРОН. От слов Гераклита. Обл. рис. автора. Изд. Алконост. Пб. 1919 (29-30 — С.М. Алянский).

31. БЕСОВСКОЕ ДЕЙСТВО. Представление. Обл. рис. автора. Изд. ТЕО. Пб. 1919.

32. ТРАГЕДИЯ О ИУДЕ. Представление. Изд. ТЕО. Пб. 1919 (Под глазом А.В. Луначарского и Ол. Дав.Каменевой: 31-32).

33. ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН. Театр. Обл. рис. Ю.П. Анненкова. Изд. Алконост. Пб. 1919 (С.М. Алянский).

34. ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН. Театр. Изд. Госиздат. Пб. 1919 (под глазом И. Ионова).

35. ЗАВЕТНЫЕ СКАЗЫ. Сказки. Изд. Алконост. Пб. 1920 (С.М. Алянский).

36. ЦАРЬ ДОДОН. Сказка. С рис. Л.С. Бакста. Марка рис. Ю.П. Анненкова. Изд. ОБЕЗВЕЛ ВОЛПАЛ (Алконост) Пб. 1921. Хранится в собр. Г.В. Чижова.

37. ТИБЕТСКИЕ СКАЗКИ. ЗАЯШНЫЕ. С рис. Илена. Изд. СКИФЫ. Чита. 1921 (И.М. Левин).

1921-1957

1. ШУМЫ ГОРОДА. Рассказы. Изд. Библиофил. Ревель. 1921.

2. ОГНЕННАЯ РОССИЯ. Слово. Изд. Библиоф. Ревель. 1921 (под глазом М.Л. Кантора — 1-2).

3. ПОВЕСТЬ О СТРАТИЛАТОВЕ (Неуемный бубен) Изд. Русское творчество. Б. 1922.

4. СКАЗКИ ОБЕЗ. ЦАРЯ АСЫКИ. С рис. В.Н. Масютина. Изд. Русское творчество. Б. 1922 (3-4 — Иванов).

5. Е. ТИБЕТСКИЙ СКАЗ. Изд. Русское Творчество. Б. 1922.

6. ЧАКХЧЫС-ТААСУ. Сибирский сказ. Изд. Скифы. Б. 1922 (Ал. Шрейдер — левые с-р).

7. ЛАЛАЗАР. Кавказские сказки. С рис. автора. Изд. СКИФЫ. Б. 1922 (Ал. Шрейбер).

8. В ПОЛЕ БЛАКИТНОМ (Из «Оли») Повесть. 1-ая часть. Обл. рис. Арнштама. Изд. Огоньки. Б. 1922 (А.Г. Левенсон).

9. РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ. Обл. рис. В.Н. Масютина. Изд. Геликон. Б. 1922. Т.I. (А.Г. Вишняк).

10. КРАШЕНЫЕ РЫЛА. Театр и книга. Изд. Грани. Б. 1922 (С. Пестряк).

11. АХРУ. Петербургская повесть. С рис. В.Н. Масютина. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.

12. ПЕТУШОК. Повесть. Изд. Мысль. Б. 1922.

13. ТРАВА-МУРАВА. Сказания. Обл. рис. автора. Изд. С.А. Ефрона. Б. 1922.

14. МАРА. Рассказы. Изд. Эпоха. Б. 1922 (С.Г. Каплун).

15. ПЛЯС ИРОДИАДЫ. Вертеп. С рис. Н. Исцеленного. Изд. Трирема. Б. 1922.

16. КОРЯВКА. Повесть. Изд. Е.А. Гутнова. Б. 1922.

17. БЕСПРИЮТНАЯ (СТРАННИЦА). Изд. Е.А. Гутнова. Б. 1922.

18. ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТНОЕ. Сказка. С рис. А.С. Смирнова. Изд. Книжный Кустарь. Б. 1922.

19. РУСАЛИЯ. Театр. Обл. рис. Н.В. Зарецкого. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.

20. КРЕСТОВЫЕ СЕСТРЫ. Роман. Обл. рис. Н.В. Зарецкого. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1922.

21. ПЯТАЯ ЯЗВА. Роман. Обл. рис. Н.В. Зарецкого. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1923.

22. КУКХА. РОЗАНОВЫ ПИСЬМА. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1923 (Подлинники писем у Л.С. Поляка — 1943).

23. СКАЗКИ РУССКОГО НАРОДА. ДОКУКА И БАЛАГУРЬЕ. Обл. рис. Н.В. Зарецкого. Изд. З.И. Гржебина. Б. 1923.

24. ЗВЕНИГОРОД ОКЛИКАННЫЙ. НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ. Обл. рис. автора (шаманский бубен) Изд. Алатас (Н.К. Рерих). Париж-Нью Йорк. 1924.

25. ЗГА. Волшебные рассказы. Обл. рис. автора. Изд. Пламя. Прага. 1925 (Мансветов).

26. ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ. Эпопея (1917-1921). Изд. Таир. П. 1927 (Татьяна и Ирина Рахманиновы).

27. ОЛЯ. Повесть I, II и III часть. С рис. В.Н. Скоропадского (С.П. Ремизовой-Довгелло). Изд. Вол. П. 1927 (В.В. Диксон).

28. ЗВЕЗДА НАДЗВЕЗДНАЯ. Легенды. Изд. УМСА Press. П. 1932.

29. ПО КАРНИЗАМ. Повесть. Изд. Рус. Библиотеки. С портретом. Белград 1929.

30. ТРИ СЕРПА. I т. Московские любимые легенды о Николе. Изд. Таир. П. 1929 (Рахманиновы).

31. ТРИ СЕРПА. II т. Московские любимые легенды о Николе. Изд. Таир. П. 1930 (Рахманиновы).

32. ПОСОЛОНЬ. Волшебная Россия (3-е изд.). Изд. Таир. П. 1930.

33. ОБРАЗ НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА. Введение к легендам. Изд. УМСА Press. П. 1931.

1931-1949

Тут меня и прикончили. И стал я альбомы делать: рукопись с картинками. Больше 200 альбомов, больше 2000 рисунков. И сорвал правый глаз. Никогда не знаешь, что такое «чересчур».

34. «ГОЛУБИНАЯ КНИГА». Изд. Художественная школа в Гамбурге. Гамбург, 1946 (Без ведома автора).

35. ПЛЯШУЩИЙ ДЕМОН (Танец и слово). Склад изд. «Дом Книги». П. 1949.

36. ПОВЕСТЬ О ДВУХ ЗВЕРЯХ. СТЕФАНИТ-ИХНЕЛАТ. С рис. автора. Изд. Оплешник. П. 1950.

37. БЕСНОВАТЫЕ. Изд. Оплешник. П. 1951.

38. ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ. Изд. УМСА Press. П. 1951.

39. МЕЛЮЗИНА. С рис. автора. Изд. Оплешник. П. 1952.

40. В РОЗОВОМ БЛЕСКЕ. Изд. Чеховское. Нью Иорк, 1952.

41. МЫШКИНА ДУДОЧКА. Изд. Оплешник. П. 1953.

42. ОГОНЬ ВЕЩЕЙ. С рис. автора. Изд. Оплешник. П. 1954.

43. МАРТЫН ЗАДЕКА. Изд. Оплешник. П. 1955.

44. ТРИСТАН И ИСОЛЬДА. БОВА КОРОЛЕВИЧ. Изд. Оплешник. П. 1957.